ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ
УНИВЕРСИТЕТИ

ХАЛҚАРО МУНОСАБАТЛАР

СИЁСАТ, ИҚТИСОД, ҲУҚУҚ

ИЛМИЙ-НАЗАРИЙ ЖУРНАЛ

2/2004
(№16)

ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ

Бош муҳаррир Р.С.ҚОСИМОВ

Таҳририят аъзолари:

А.А.Абдуғаниев, А.С.Расулов, К.Қ.Рашидов, Л.А.Саидова, С.П.Турсунмуҳамедов, А.О.Файзуллаев (бош муҳаррир биринчи ўринбосари), Р.Ф.Фармонов, Б.А.Хўжаев, Қ.Х.Хоназаров (бош муҳаррир ўринбосари-масъул муҳаррир), Р.Ҳ.Шодиев, А.К.Эркахўжаев, Г.А.Ҳидоятов

ТЕЛЕФОНЛАР: 67-07-41; 67-94-07; ФАКС: 67-09-00
ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ: 700113, Тошкент, Буюк Ипак йўли, 54.

Ушбу сон тайёрловчилари:

Нашр бўлими мудири Т.Ю.Шамшаров
Муҳаррирлар: И.Н.Касачев, С.Матчанов, Р.Т.Саидов
Оригинал-макет ва дизайн: И.А.Семенюк

ЖИДУ рухсатисиз қайта чоп этиш ман қилинади. Кўчириб босилганда «Халқаро муносабатлар» журнали кўрсатилиши шарт.
Таҳририят фикри муаллиф фикридан ўзгача бўлиши мумкин. Қўлёзмалар, суратлар қайтарилмайди.

Перепечатка без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Халқаро муносабатлар» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ушбу нашр 068 - рақам билан қайд этилган

Формати 70x100 1/16. Ҳажми 8,4 б.т. Нусха сони 500. Келишилган нархда. "PATENT PRESS" корхонасида чоп этилди. Тошкент, Тўй тепа кўчаси, 2а.

© Халқаро муносабатлар, 2004.

МУНДАРИЖА

СИЁСАТ

Акобиров С.Р.
К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ 5

Olimjon Kasimov
THE MAIN PROBLEMS OF REGIONAL WATER MANAGEMENT IN CENTRAL ASIA 12

Ходжаев А.
XXI АСРДА ХИТОЙ ХАЛҚ РЕСПУБЛИКАСИНИНГ ЭНЕРГИЯ ХАВФСИЗЛИГИНИ ТАЪМИНЛАЩДАГИ УСТУВОР ЙЎНАЛИШЛАРИ 18

М.З.Мунавваров
ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО «ТОРГА» 24

Очилов Б.Б., Якубов И.Х.
ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА) 28

ИҚТИСОДИЁТ

Артыков Ж.Ю.
ТРАНСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В XXI ВЕКЕ. 35

ҲУҚУҚ

Убайдуллаев З.С.
СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБОРОТЕ 40

Кашинская Л.Ф.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 44

Насриев И.
ЎЗБЕКИСТОНДА МУАЛЛИФЛИК ҲУҚУҚЛАРИГА ОИД ҚОНУНЛАРНИ ТАКОМИЛАШТИРИШДА ХАЛҚАРО КОНВЕНЦИЯЛАРНИНГ АҲАМИЯТИ 51

Мирзаева Н.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ 59

МАЪНАВИЯТ ВА МАЪРИФАТ

Файзуллаев А.
МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ ДИПЛОМАТА 62

Ўсарова Ф.Х.
ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚАРО МУНОСАБАТЛАРИНИ МУСТАҲКАМЛАШДА МИЛЛИЙ ИСТИҚЛОЛ МАФКУРАСИНИНГ ЎРНИ. 71

Йўлдошев О.
ТАШҚИ ИҚТИСОДИЙ СИЁСАТНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ 77

С.Р. Акобиров,
руководитель проекта Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

При определении приоритетов своей безопасности современные государства опираются, как правило, на систему национальных интересов.

За рубежом исследование и применение концепта национальный интерес осуществляется в течение длительного срока. Например, по мнению американских ученых этот термин используется президентами и другими политиками с момента образования США. За это время накоплен большой объем аналитического материала, однако значение этого термина остается довольно неопределенным. Среди аналитиков сегодня ведется активная полемика об объективности национальных интересов, о факторах, влияющих на их формирование, и т.д.

Согласно существовавшему в науке вплоть до 70-80 годов прошлого века мнению, любое государство легко может определять свои объективные национальные интересы и действовать в соответствии с ними. Но развитие международных отношений и демократические изменения в обществах привели к трансформации этих представлений. Ныне считается, что интересы нации имеют более сложную природу, вызывая споры и нуждаясь в согласовании между главой исполнительной власти, т.е. президентом, и оппонирующими ему политическими группировками.

Сторонник такой трактовки природы национальных интересов американский политолог П.Сиберн объясняет, что формирование национальных интересов нужно воспринимать «как калейдоскопический процесс», в ходе которого различные силы стремятся выразить свои политические и экономические потребности, используя при этом органы государства. Для понимания этого процесса, помимо знания формальностей административных процессов формирования внешней политики, нужно иметь представление о жизни нации, идеологии и других вопросах, которые составляют основу американской внешней политики.

Исследователь Д.Нойхтерлайн, уделяя важное внимание балансу

мнений президента и Конгресса, отмечает, что жизненные интересы страны, в конечном счете, должны устанавливаться путем дебатов в рамках конституционной системы США. В определении же уровня обсуждаемых интересов президент играет главную, но не исключительную роль.

Существуют мнения и другой группы ученых, которые считают, что национальные интересы слишком «эгоцентрическая» концепция для понимания современного взаимозависимого мира, где государство постепенно утрачивает свое патриархальное значение. Например, Дж.Розенау утверждает, что национальные интересы так и не стали тем инструментом, которым когда-то обещали стать, попытки ученых использовать и применять эту концепцию оказались бесплодными или вводящими в заблуждение.

Во внешнеполитической доктрине США национальные интересы подразделяются на три категории. Первая включает жизненно важные национальные интересы, имеющие первостепенное значение для выживания, безопасности и жизнеспособности страны, физическую защиту территории страны и территории союзников, жизненно важных инфраструктур государства, безопасность граждан, их экономическое благополучие.

Вторая категория - важные национальные интересы, которые определяют «национальное благосостояние» и «характер мира» вокруг США. В качестве иллюстрации для данной категории интересов можно привести действия США по сдерживанию потока беженцев из Гаити и восстановлению демократии в этой стране, а также их усилия по защите окружающей среды в мире.

Третья категория - это интересы в гуманитарной и других областях. Они касаются моментов, когда США могут оказывать помощь странам своего или других регионов в устранении последствий социальных и природных катаклизмов, для поддержки экономического развития, демократических процессов и установления гражданского контроля над вооруженными силами. Они реализуются через дипломатические каналы, путем взаимодействия различных экономических структур, общественных и культурных фондов, международных неправительственных организаций.

Национальные интересы США обнародуются в соответствующих правительственных документах. Например, в докладе бывшего президента США Р.Рейгана «Стратегия национальной безопасности США», сделанном им Конгрессу в 1987 г., был отдельный раздел, посвященный национальным интересам страны и их защите. В последующем аналогичные доклады делались и другими президентами: в политической практике США со временем сложилась традиция ежегодных докладов с анализом состояния национальных интересов государства и новыми мерами по их защите. Из их сопоставления видно, что основополагающие национальные интересы США, на первый взгляд, являются постоянными, но на самом деле подвержены изменениям и находятся в функциональной зависимости от динамики геополитических изменений.

Важное научное значение придается этой проблеме и в России. По утверждению исследователя В.Б.Межуева, данная категория в политическом лексиконе России существует более века, но реальные системные исследования национального интереса в современном понимании этого определения там осуществляются с 1994 г. По существу термина российские политологи высказывают полярные мнения, но по форме толкования они близки представлениям западной науки.

Так, Я.А.Плайс при объяснении этого понятия указывает, что в развитых демократических странах «давно сформированы механизмы, выработаны процедуры согласования общественных и государственных интересов для создания консенсусной основы общих интересов, обоснованно называемых национальными - это интересы страны в целом, т.е. и общества, и государства».

И.Г.Яковенко считает, что «национальные интересы это высоко инерционная структура», они «задаются устойчивыми (географическое положение, цивилизационная идентичность, стадиальное состояние общества) либо определяются медленно поддающимися изменению факторами (качественные характеристики экономики, доля в мировом хозяйстве, наличие значимых ресурсов)». В этом же направлении рассуждает Д.Н.Замятин, полагая, что «национальные интересы любой страны» можно категоризировать практически неизменными политико-релевантными отношениями (Родина/государство, нация/государство, религия/нация, политика/история, народ/территория). Этим же он объясняет изменчивость национальных интересов в различные «переломные эпохи», добавляя, что «национальные интересы не просто система целей и приоритетов внешней политики страны, это еще продукт согласования мнений и интересов ее граждан».

Наряду со сказанным приводятся различные интерпретации «национального интереса»: если одни говорят о «национальном интересе» как таковом, то другие склонны употреблять определение «государственно-национальный интерес», при котором «национальный интерес» оказывается представленным «интересом государства» и сводится к «обеспечению им безопасности нации, ее успеха в конкуренции с другими нациями, сохранения ее территориальной целостности и культурной идентичности и т.д.».

Ряд авторов отождествляет «национальный интерес» с интересами преобладающей в государстве этнической группы. Например, Ю.М. Бородай считает, что «противоречие между национальным и государственным интересами связано с различием между классической геополитикой, которая оперирует государственными интересами и «базируется на географии» (интересам государства соответствует присоединение территории, богатой, например, природными ресурсами), и «геополитикой национальной», фундаментом которой должна стать этнография (интересам нации отвечает включение в состав государства только этнически близких народов)». Такую точку зрения в трактовке «национальной

ного интереса» Б.В.Межуев называет «этническим национализмом». Ее придерживаются, как правило, лидеры различных национал-патриотических партий, которые «часто говорят о приоритетном значении интересов русского народа как государствообразующего народа».

По аргументации других ученых, например А.А.Кара-Мурзы, Л.В.Полякова, о «национальных интересах» имеет смысл говорить только при наличии феномена «нации».

Таким образом, разнообразие мнений российских политологов в вопросах определения национального интереса говорит о сложных процессах, которые происходят в общественном сознании социума. Сама дефиниция как политическая категория в России принята на официальном уровне. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, объявленной Указом президента РФ от 10 января 2000 г., отмечается, что «национальные интересы России - это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства».

При сравнении взглядов и мнений о предмете национальных интересов американских и российских ученых видно, что, хотя они внешне различаются, но не взаимоисключают друг друга. Процессы формирования внешней политики сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Используемые в качестве ориентиров национальные интересы - сложная политическая категория, содержащая политический, правовой, идеологический, экономический, культурный, географический и др. аспекты. Раздельное изучение каждого аспекта позволяет глубже вникнуть в жизнь нации, увидеть истинные источники мысли, идеологии и культуры, которые формируют национальный интерес.

В Узбекистане данная проблема привлекает внимание ученых с момента образования суверенного государства. Основу современных философско-мировоззренческих подходов в изучении концепта национального интереса Узбекистана составляет ряд концептуальных трудов Президента Республики Узбекистан И.Каримова, в которых дается оценка роли и значения национального интереса, общечеловеческих ценностей как важных факторов, влияющих на формирование национальной, региональной и глобальной безопасности.

В последние несколько лет эта проблема стала объектом политологических исследований. Отмечается, что за период независимости национальный интерес «перешел из состояния латентности, неосязаемости и неосознанности в неотъемлемый элемент внутри - и внешнеполитического процесса».

Философское осмысление этого понятия должно основываться на всеобщих законах развития природы, общества и человеческого мышления. В алгоритме национальный интерес вначале определяется, затем вырабатывается и

формулируется в виде концептуальной основы всей внешней и внутренней политики. В силу этого его целесообразно подразделять на интересы во внешней сфере и интересы применительно к развитию внутренних процессов общества. При этом объектами национальной безопасности выступают: человек - его права и свободы; общество - его духовные и материальные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность, и соответственно подразделяется по этим субъектам на три подкатегории: жизненно важные интересы личности, жизненно важные интересы общества, жизненно важные интересы государства. Выявляются внешние и внутренние угрозы, могущие привести к причинению ущерба национальным интересам, и в соответствии с их приоритетностью разрабатываются основные направления обеспечения национальной безопасности.

Для защиты национальных интересов создается система обеспечения национальной безопасности страны, которую образуют органы законодательной, исполнительной и судебной власти, предприятия, учреждения, организации, общественные объединения, органы самоуправления граждан, а также граждане. Ведущая роль в этой системе отводится государству.

Национальный интерес - это результат консенсуса интересов личности, общества и государства, то есть включает в себя интересы этих субъектов, и при его определении предлагается применение следующих новых принципов:

двузначности - любое суждение либо истинно, либо ложно;

разрешимости - достаточность сил для реализации национального интереса;

времени - краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные;

избирательности или целесообразности - политической, экономической, военной, исторической (соответствует историческим и культурным ценностям общества или нет);

познаваемости или транспарентности - национальные интересы открыто заявляются в соответствующих нормативно-правовых актах государства.

Национальные интересы призваны соответствовать двум критериям: во-первых, отвечать требованиям обеспечения задач национальной безопасности государства, и, во-вторых, - соотноситься и гармонировать с общечеловеческими интересами. Первый их них основывается на естественной традиции, согласно которой национальное государство компетентно обеспечивать свою безопасность. Второй критерий является теоретически возможным, но его применение на практике связано с определенными трудностями, поскольку соотношение и гармонизация национальных и общечеловеческих интересов соприкасается, прежде всего, с проблемой государственного суверенитета: страх потерять самостоятельность в каких-либо вопросах будет определять действия национального государства. На этот процесс определенное влияние оказывают условия возникновения нации, ее исторические и

культурные особенности, статус ценностей, превалирующий в ее общественном сознании. Немаловажное значение имеет степень военного и экономического могущества, место и роль, которые занимает государство в современной системе международных отношений.

Существенным фактором, на наш взгляд, является уровень демократии, как в рассматриваемом государстве, так и в окружающих его странах, так как общедемократические принципы общественного развития вырабатывались под влиянием общечеловеческих ценностей в течение длительного исторического периода. Поэтому чем выше уровень демократичности, тем выше уровень приверженности этого государства к общечеловеческим интересам.

Соблюдение второго критерия могло бы стать предпосылкой для формирования того баланса национальных и общечеловеческих интересов, который создаст гарантию от возникновения конфликта между субъектами международных отношений. Предупреждение конфликта - важнейшее условие сохранения стабильности и безопасности, являющейся актуальной задачей современной политики и дипломатии.

В заключение рассмотрим некоторые факторы, обуславливающие становление Узбекистана как национального государства, его интересов и их легитимности как политической категории. Основные внешнеполитические ориентиры Узбекистана формируются под влиянием динамичных изменений международной обстановки. За период независимого развития позиция государства в международных отношениях определяется последовательной и принципиальной политикой, решительной борьбой против международного терроризма, экстремизма и религиозного фанатизма, наркоагрессии, распространения оружия массового поражения и других вызовов международной стабильности и безопасности. Поэтому все обвинения о якобы имевшихся колебаниях вектора внешней политики Узбекистана, особенно громко звучавшие в период 1999-2003 гг., не имели под собой оснований и скорее были продиктованы эмоциями противников суверенитета Узбекистана.

Во внутриполитических процессах позитивным является постепенный отход от патерналистского понимания роли государства, в обществе все громче звучат требования повысить эффективность реформ (телефоны доверия, новый порядок проверки предпринимательской деятельности, контроль со стороны СМИ и пр.).

Духовное возрождение нации и рост самосознания народа сопровождаются не менее важными изменениями идентификационной ориентации граждан не коренной национальности и не мусульманской конфессиональной принадлежности: идентификация себя с Узбекистаном, признание его родиной, стремление освоить государственный язык у индивидуумов не вызывают ностальгической реакции. По результатам социологических исследований Центра «Ижтимоий фикр», в настоящее время идет процесс формирования интегративной национальной общности «узбекистанцы», в которую входят представители всех этнических групп, населяющих страну.

Миграция граждан Узбекистана в страны СНГ и в «дальнее зарубежье» вызывается в основном экономическими соображениями, а не политическими и иными. Очевидно, что улучшение экономической ситуации в сфере доходов и обеспеченности населения работой приведут к изменению миграционных показателей и, более того, вызовут реэмиграцию.

В целом наблюдаются положительные реформации в государственном и общественном строительстве. Однако серьезные изменения произошли и в геополитической ситуации, что необходимо учитывать в обеспечении национальной безопасности.

Использованная литература

1.Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т.: Ўзбекистон. 1996. С. 347.

2.Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.: Ўзбекистон. 1997. С. 315.

Каримов И.А. Ватан равнақи учун ҳар биримиз масъулмиз. Т.: Ўзбекистон. 2001. т.9. С. 432.

1.Каримов И.А. Хавфсизлик ва тинчлик учун курашмоқ керак. Т.: Ўзбекистон. 2002. т.10. С 432.

5. Меняющаяся международная обстановка: представления и восприятия./ Сборник материалов колледжа по изучению вопросов безопасности и международных отношений им. Дж.Маршалла. Изд. Военно-морского колледжа. Ньюпорт, Род-Айленд. 2001. №1.

6. Б.Клинтон. Стратегия национальной безопасности для нового столетия. Вашингтон, Белый дом. 1998.

7. Paul Seabury. Power, Freedom and Diplomacy. - New York: Random House. 1963. P.87.

8. Donald E. Nuechterlein. Unated States National Interests in a Changing World. – Kentucky: University Press. 1973.

9. James M. Rosenay. The Scientific Study of Forin Policy. - New York: Free Press. 1971. P.248.

10. National Security Strategy of the United States. Special White House Report, January 1987.

11. Б.В.Межуев. Понятие «национальный интерес» в российской общественно - политической мысли. «Полис», 1997, №1.

12. Национальные интересы и политические реалии современной России (материалы заочного круглого стола). «Полис», 1997, №1.

13. Национальный и государственный интерес в современной мировой политике (по материалам Второго всероссийского конгресса политологов). «Полис». 2000. №1. С.7 - 37.

13. Концепция национальной безопасности Российской федерации. Интернет: www. нг. ru.

14. Толипов Ф.Ф. Формирование концепции национальных интересов Республики Узбекистан в контексте глобального политического развития. Дисс. канд. полит. наук. Т.,Университет мировой экономики и дипломатии. 1997. С. 153.

15. Қайси партия таниқли? (материалы социологических исследований в 2002 - 2003 годах Центра «Ижтимоий фикр»)// Хуррият от 2 апреля 2003 года.

16. О.Назаров. Фактор каспийской нефти слабеет день ото дня.«Евразия сегодня». 2004, №3 (24). С. 68-71.

Olimjon Kasimov
listener of the Academy of State and Social Construction under the President of the Republic of Uzbekistan

THE MAIN PROBLEMS OF REGIONAL WATER MANAGEMENT IN CENTRAL ASIA

In the world history, the Aral Sea basin is among the most ancient centers of civilization.

Amudarya and Syrdarya - two main rivers in the basin, water resources of which are allocated to arid lands irrigation and the Aral Sea with their tributaries Vakhsh, Pyandj, Surkhandarya, Kafimigan, Zerafshan, Naryn, Chirchik, Karadarya and others form a large water system, which is included in water-resources scheme of the Aral Sea basin.

Five independent states of CIS - the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan - and part of Afghanistan are entirely and partly situated on the territory of the basin.[1]

Before going into details of possible water-related conflicts in Central Asia some historical prerequisites for the present water management system have to be examined.

In the Soviet law system, water resources were an exclusive state properly and therefore provided as a free good. Costs for the utilization of water appeared only as charges for the development and maintenance of water supply schemes and not for the amount of water consumed which reduced the efficiency of water use considerably.

Moreover, water law is strictly bound to land law because the utilization of water sources is not possible without a direct or indirect utilization of surface land (irrigable land, embankments etc.).

Water was based on the «Fundamentals of Water Legislation of the USSR and the Union Republics» of 1970, regulating the utilization and conservation of water bodies. On the basis of the «Fundamentals», water codes for the union republics were adopted.

All the republics declared sovereignty in 1990, asserting their right to control land, water and other natural resources within their territories. With new laws on property, the republics reserved the right to ownership of water for the republican governments. The responsibility for the water management at the Union level was given to the republic-level ministries. The water allocation is therefore still centrally-commanded from the national Ministry for Water Management down to several canal and reservoir administrations and further down to district waier officers. Administration officials control the water use and may impose sanctions. Water quality is checked by a river basin inspection.

The transition to independence totally transferred the management of natural resources to the republics which is complicated by the fact that water bodies are now found within several jurisdictions. For the time being, intergovernmental agreements based on the former Soviet quotas regulate interrepublican water distribution among the new Central Asian republics.

The cause for conflicts between up- and downstream riparians seems to be clear; «Measures taken by upstream countries influencing the river flow diminish the possibilities of downstream countries to use the river for their development.» Water storage for hydropower production or a deterioration of the water quality has severe consequences for water-dependent activities (agriculture, industry, fresh water supply) in the lower reaches of a river. Especially in arid regions, usable water in river flows is progressively scarce and rivalrous because drainage run-off degrades the quality and river diversion reduces the amount of water. While the upstream users may not be affected by poor water quality, the users downstream face a different set of constraints.

So, hydrological conditions make it possible to externalize costs for the utilization or deterioration of the water, harming the lower riparians. Users upstream try to abstract water needed for their own purposes with no respect to possible salinization and/or pollution for the downstream riparians. Obviously, upstream users have fewer incentives to alleviate their adverse actions.

Another serious problem is the lack of a concerted effort to improve the region's farming. Each country seeks to expand its irrigated land and its free water resources. The area under irrigation in Central Asia has grown by 7 percent since the mid-1990s - a significant increase given the amount of free water resources. Today cultivation of plots fetches rural households as much as 90 percent of their earnings. Indeed, water shortages have hit poor households the hardest.[1]

Gregory Gleason, Swiss specialist of Agency for Development Cooperation, supposes that the source of the current water crisis in Central Asia is agricultural irrigation. Irrigation accounts for about 84 percent of aggregate withdrawals.[2]

A widely-read environmental report issued last year noted that Uzbekistan's agriculture depends heavily on the water-intensive cotton yield. The report said this has occasionally caused tensions with upstream states such as Kyrgyzstan. The OSCE chairwoman described the management of trans-boundary water resources as «one of the fundamental environmental issues in the

[1] Source: http://www.icwc-aral.uz/

[1] Source: http://www.worldbaiik.org/transilioimewsletter/JulAugSep01/pgs28-29.htm

[2] Gregory Gleason «Conflict and Conflict Prevention in Central Asia: The Prospects for Early Warning», *The Soviet and Post-Soviet. Review*, 24 (3), 1999, 205-228

region.» She said the OSCE hopes that Turkmenistan and Uzbekistan will eventually come to agree that it can be best tackled by all five states working together for the common good.[1]

On the local scale, most of the upstream-downstream conflicts have repercussions on irrigation systems. They are described in the following.

All the Central Asian republics own a greater or lesser portion of the Aral Sea basin. Uzbekistan and Kazakhstan share the Aral Sea itself. The two main basins of the Syr Darya and the Amu Darya are shared by several states and in the case of Uzbekistan even shared twice because both rivers cross another country between two stretches situated in Uzbekistan.

The Syr Darya crosses four countries. It Kyrgyzstan, Uzbekian, Tajikistan, Kazakhstan.

Uzbekistan, the most populous republic in the region, does not get enough water from the three main rivers - Amu Darya, Syr Darya and Zeravshan- that are so essential for the life in the irrigation areas of the country. Uzbekistan, in contrast to most of the Central Asian states, is completely dependent on the water resources of the Aral Sea basin. As a matter of fact, Uzbekistan's possibilities to control hydrotechnical installations along the course of the Syr Darya are restricted. Most of the reservoirs regulating the river flow lie beyond the borders. Although most of the reservoirs are officially under control of the interrepublican water agency (BVO), they represent a potential lever for exerting pressure onto downstream neighbors.[2]

In the recent past, there have been conflicts about the amount of water released by Kyrgyzstan for the downstream users of Uzbekistan, Tajikistan and Kazakhstan. Since independence, especially Kyrgyzstan faces serious economic problems, mainly because of a shortage of energy supply from Russia and the neighboring countries. As energy production is actually the major income source for this country, it wants to take the maximum profit from its abundant water resources. The primacy of energy production over the needs for irrigation in the middle and lower courses of the rivers has already created a major discord between Uzbekistan and Kyrgyzstan.

In summer 1993, Kyrgyzstan retained about 50% of the water allocation granted to Uzbekistan in the Toktogul dam. Since the introduction of a national currency in Kyrgyzstan, the «Som,» Uzbekistan raised the prices for gas and oil for its neighbor. Producing electricity for export also, Kyrgyzstan tried to prevail upon Uzbekistan to purchase hydroenergy as a recompense for the usually free amount of water flowing into Uzbekistan. Uzbekistan, who is interested only in getting the necessary water, accused Kyrgyzstan of intending to sell water to its neighbors. Moreover, Uzbekistan is not dependent on electricity from Kyrgyzstan as it can produce it more cheaply with its own fossil resources.

[1] Roland Eggleston. «OSCE Seeks agreement on Central Asian water» // http://www.eurasianet.org/departments/environment/articles/eav060600.shtml

[2] WolfAaron T., Yoffe Shii-a B. and Mark Giordano. International waters: identifying basins at risk. Water Policy 2003. p.5

The Amu Darya passes through three states - Tajikistan as the upper riparian, Uzbekistan and Turkmenistan - as the middle and lower riparians - and forms the border in some stretches between Tajikistan, Uzbekistan and Afghanistan, and between Turkmenistan and Uzbekistan. Finally the Zeravshan river, belonging to the basin of the Amu Darya is shared by Tajikistan and Uzbekistan.

There are serious water disputes not only between the upper and lower riparians, but also between the middle and lower riparians; for example, between Uzbekistan and Turkmenistan along the course of the middle and lower Amu Darya. Both countries are confronted with territorial claims from the other side. Especially irrigated territories on both sides of the Amu Darya with strong minorities from the neighboring country are disputed.

Like Tajikistan, Uzbekistan wants to keep control over the storage capacity on its own territory. The Tuyamuyun reservoir on the border between Turkmenistan and Uzbekistan is under the exclusive control of the latter. The reservoir was presumably built only for political reasons in order to increase Uzbekistan's storage capacity because a reservoir in the middle of the desert with enormous evaporation does not make sense. Turkmenistan, adjacent to the reservoir, actually plans to build a canal to the water body, in order to improve water delivery for the oasis in the lower reaches of the Amu Darya.[1]

[1] Klotzli Stefan. The "Aral Sea Syndrome" and Regional Co-operation in Central Asia: Opportunity or Obstacle? In: Gleditsch Nils Peter et al, eds. Conflicts and the Environment. Dordrecht: K-luwer Academic, 1997., p.12-14.

During the last 12 years bilateral donors, international agencies and private foundations have funded dozens of projects in order to resolve difficult water situation in Central Asia. In doing so, technical solutions were preferred to political and economic ones. Especially active were the World Bank, United Nations Development Programme (UNDP), the EU Programme of Technical Assistance to the CIS (TACIS), and the United States Agency of International Development (USAID) who spent millions of dollars to help resolve the Aral Sea crisis. Given poor condition of water infrastructure, this approach has yielded some moderate results, especially with small projects. Effort to tackle water from political perspective, however, has resulted in problems. A lack of willingness of Central Asian states to co-operate has buried great many initiatives, like, for example, an attempt by the Organisation of Security and Co-operation in Europe (OSCE) to persuade the five to discuss the region's water problems at a water conference to be held in Eondon. This effort came to nothing with Turkmenistan's president's response that international conference in Eondon was not the right place to discuss Central Asia's water. In his turn, Uzbekistan's president said that his country had a thousands years of experience in managing water problems and he preferred bilateral discussions to a multilateral conference.[2]

In trying to find a solution to the desiccation of the Aral Sea, a project

[2] Source: http://www.trailsboundarywatcis.orst.edu/publications/related research/votrin/votrin_thesis.hliTil

funded by the Global Environmental Facility (GEF) and designed to create small but viable wetlands and fisheries on the place of the Aral Sea through restoration of a modest flow to the old seabed, and the UNDP Aral Seashore Rehabilitation and Capacity Development Project are so far most prominent. According to the World Bank, in order to successfully restore «modest flow» to the Amu Darya, agricultural runoff should be entirely restored. Thus, huge lakes that developed over the decades of water negligence from the excess water of the Toktogul reservoir and that now support local agriculture, fisheries, recreation areas and biodiversity habitats would thus be bound to disappear. And the main success of UNDP's project on rehabilitation of the Aral Seashore consisted in providing 16,000 residents of Karakalpakstan with safe drinking water and planting thousands of trees that withered immediately because they were unsuited for local climate.

With the advent of independence, Central Asian states have quickly become the parties, and in some cases ratified, the international environmental agreements and conventions such as the Convention on Biological Diversity, the Convention to Combat Desertification, and the United Nations Framework Convention on Climate Change. Only Kazakhstan is a party to the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes.

Some regional water treaties (the 1998 Syr Darya Framework Agreement) do address the particularly sensitive issue of the water utilisation in the region and proceed from the interest in joint use of water resources to seeking common definitions and to acknowledging international legal principles relevant to the use of transboundary water resources, such as the provision referring to the joint management clause based on the «basin principle» which provides for the equality of the parties' rights to use and responsibility to ensure rational utilisation and protection of the «common and integral» water resources of the region. While this provision is certainly an improvement over earlier arrangements based on the concepts of «water apportionment» and «maximum utilisation,» the principle of «equitable and reasonable utilisation and participation», in accordance with Article 5 of the UN Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses, should be recognised. This principle takes into consideration such factors as geography, hydrographic, hydrological, climatic, ecological and other factors of a natural character; social and economic needs of a watercourse; the population dependent on the water resources; existing and potential uses; conservation, protection, development and economy of water resources use; and the availability of alternatives to a planned or existing use.[1]

Of particular importance for Central Asia's water resources are the principles of the 1997 UN Convention which include the obligation not to cause significant harm to other watercourse states (UN, 1997, art. 7); the general obligation to cooperate through joint mechanisms or commissions; to exchange information on a regular basis; and to provide timely notification of planned measures and emergency situations which may have a significant adverse effect upon other watercourse states. Where significant harm nevertheless is caused to another state, the party responsible for causing such harm is obliged, in consultation with the affected state, to eliminate or mitigate such harm, and where appropriate, to discuss the question of compensation. However, none of Central Asian countries have ever acceded to the 1997 UN Convention.[1]

Are there ways to impose sustainable water consumption patterns across Central Asia? If so, what should be done?

First, Central Asian countries should sign a water pact to regulate the allocation of transborder water resources in keeping with universally accepted practices (as in the Mekong, Jordan, and Grande river basins) and with due regard for the nations' shared history. Each country's quota should be determined by its population and by its contribution to the formation of water resources. This water pact should be the cornerstone for tackling the water management issue, because lawlessness always leads to violence and the arbitrary use of scarce water resources.

Second, maximum opportunities should be created for water management institutions to cooperate at the regional level rather than setting up new interstate entities. If each country creates new national institutions simply to highlight its independence, no practical results will be achieved.

Third, regional cooperation in agriculture should be encouraged by dividing the region into a number of crop-growing areas. This kind of cooperation, in contrast to the situation under Soviet rule, should rely on the market rather than on ideology. This measure would make it possible to significantly reduce water consumption.

Fourth, the Central Asian Bank for Development should make water management a priority, and special funds should be allocated to finance the maintenance and operation of the region's water management system. Contributions made to the bank for these purposes could be funded through the introduction of irrigation fees.

Fifth, market regulation in water management should be encouraged through the creation of a water resources pool. In accordance with the water pact, each country should have a quota assigned from the total amount of water resources. Such a step would allow any country to sell to other partners any part of its water quota that remains unused, according to a special tariff.

[1] United Nations Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. 1997. Art.5 // http://www.un.org/law/ilc/texts/nonnav.htm

[1] Camey Christopher and John P. Moran. Imagining Communities in Central Asia: Nationalism and Interstate Affect in the Post-Soviet Era. *"Asian Affairs*, 2000. p. 179-199.

А.Ходжаев,
ЎзМУ магистранти

ХХІ АСРДА ХИТОЙ ХАЛҚ РЕСПУБЛИКАСИНИНГ ЭНЕРГИЯ ХАВФСИЗЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШДАГИ УСТУВОР ЙЎНАЛИШЛАРИ

Энергетик хавфсизлик бу - амалга ошириладиган ишларнинг мажмуи бўлиб, саноат ва бошқа истеъмолчилар учун нефть, газ, кўмир ва бошқа кафолатланган энергия хом ашёларига ташқи омилларнинг таъсиридан қатъий назар, нафақат бугун, балки узоқ келажакда ҳам эга бўлишдир. Энг асосийси, энергетик хавфсизлик бир лаҳзали эҳтиёжни қондириш учун эмас, балки биринчи навбатда саноатни ва бошқа соҳаларни ривожлантириш учун муҳим ҳисобланади.

Юқори даражада ривожланиш учун интилаётган ҳар бир мамлакатнинг энергия хавфсизлиги ўз ҳудудида ва халқаро корпоратив асосда ўзаро жавобгарлик ҳамда боғлиқлик шаклида энергетик глобаллашув жараёнида қатнашиш йўли билан ўз энергоиқтисодий манфаатларини ишончли таъминлашини билдиради.

Ўзининг энергия хавфсизлигини таъминлашга катта эътибор беруьчи давлатлардан бири минтақадаги ҳам сиёсий, ҳам иқтисодий жиҳатдан кучли мамлакат ҳисобланган Хитой Халқ Республикасидир. ХХ асрнинг 70-йиллари охирида кенг миқёсда ислоҳотларни амалга оширишни бошлаган Хитой иқтисодий ўсиш суръатларида рекорд кўрсаткичларни намойиш қилди, ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий соҳаларда сезиларли ривожланишга эришди. Ҳозирги кунда Хитой Халқ Республикаси дунёда маҳсулот ишлаб чиқариш ва хизмат кўрсатиш соҳасида илғор ўринлардан бирини эгаллайди.

Хитойнинг минтақада ва глобал даражада буюк мамлакатга айланиши асосан унинг энергия соҳасидаги сиёсий масалаларни ҳал эта олганлиги билан боғлиқ. Энергия муаммоларини ҳал қилиш юқори суръатдаги иқтисодий ўсишни таъминлаб туриш учун фундаментал асос вазифасини ўтайди, бу эса ўз навбатида ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий барқарорликни таъминлаш учун замин яратади.

Хитойда энергия ташувчиларнинг захиралари - нефть, кўмир, табиий газ, ёнувчи сланец, шунингдек, уран ва торий аниқ белгиланган. Масалан, тошкўмир захираси 1 трлн. 2.49 млрд. тоннада баҳоланиб, улар жаҳон захираларининг деярли 1/3 қисмини ташкил қилади. Хитойда дунёдаги қазилма кўмирнинг энг йирик захиралари жойлашган, энергетик хом ашёнинг бу турига истеъмол қилинадиган ёқилғининг деярли 76 фоизи тўғри келади. Бой конлар жуда кўплаб вилоятларда мавжуд, лекин улар ҳаммадан кўпроқ шимолда, шунингдек, мамлакатдаги умумий кўмир захираларининг 30 фоизи жойлашган Шаньси вилоятидадир. Бу ерда ҳар куни 15 млн. тоннагача хом (тўйинтирилмаган) кўмир қазиб олинадиган «Кўмир уйи» деб ном қозонган Аньтайбао жойлашган. Йирик захиралар, шунингдек, Аньхой, Гуйчжой, Нинся-Хуэй автоном районларида ҳам мавжуд[1].

«Oil and Gas Journal» журнали келтирган маълумотларга қараганда, Хитойдаги нефть ва газнинг аниқ ўлчанган захиралари мос равишда 3287,7 млн. тонна ва 200 млрд. кубометрдан кўпроқни ташкил этиб, бу Хитойга Осиё ва Тинч океани ҳудудида ушбу кўрсаткичлар бўйича биринчи ва жаҳонда ўнинчи ўринни эгаллашга имконият беради.

Агар 80-йилларда Хитой мамлакатда қазиб олинадиган нефтнинг 1/3 қисмини экспорт қилиш имкониятига эга бўлган бўлса, 90- йилларнинг бошига келибоқ, мамлакат ёқилғи-энергетика баланси бутунлай ўзгарди. Хитой хом нефтни импорт қилишга ўтишга мажбур бўлди. Авваламбор, бу ҳолат мамлакатда охирги икки ўн йилликда юксак суръатларда барқарор иқтисодий ўсишни таъминлаган (йилига ўртача 10 фоиз) углеводородларга бўлган талабнинг анча ортиши билан изоҳланади. Бундан ташқари, охирги 20 йил давомида Хитойда нефть қазиб олиш суръатлари ўсишининг сезиларли секинлашуви ёқилғи-энергетика балансининг ўзгаришига ўз таъсирини ўтказди..

1-жадвал

1970-1999 йилларда Хитойда нефть қазиб олиш суръатларининг ўсиш динамикаси[2].

Йиллар	Қазиб олиш (1 суткада млн. баррель)	Ўсиш суръатлари (фоиз ҳисобида)
1970 -1974	0,6 - 1,315	220
1975 -1979	1,49 - 2,122	42
1980 -1984	2,114 - 2,296	8,6
1985 -1989	2, 505 - 2,757	10,1
1990 -1994	2,774 - 2,939	5,9
1995 -1999	2,99 - 3,3	10,4

[1] И.В. Кочергин, В.Ф. Щичко «Страноведение Китая», Москва-«Муравей»-1999 г.
[2] Energy Information Administration (LISA), 1999

Натижада 1990 йилда Хитой энергия ташувчиларнинг соф импорт қилувчисига, 1993 йил ноябрида эса нефтни нетто импорт қилувчисига айланди ва ўзининг импортга бўлган боғлиқлигини нафақат сақлаб қолди, балки анча оширди. Масалан, 1990-2000 йиллар мобайнида Хитойда нефтнинг ўртача йиллик истеъмоли тахминан 10 фоизга яқин ошиб борган бўлса, шу вақтнинг ўзида қазиб олиш ўртача йилига 2 фоизга ўсган.

2-жадвал

1990-2000 йил Хитойда нефть қазиб олиш ва истеъмол қилишнинг ўсиш динамикаси[1] (млн. баррель 1 суткада)

Кўрсаткичлар	1990	1993	1995	1997	1998	1999	2000	1990-2000 йиллардаги умумий ўзгаришлар (фоиз ҳисобида)
Қазиб олиш	2,77	2,89	2,99	3,2	3,23	3,3	3,3	19,1
Истеъмол қилиш	2,27	2,98	3,24	3,88	4,0	4,2	4,6	102,6
Баланс	0,5	-0,09	-0,25	-0,68	-0,77	-0,9	-1,3	-

Узоқ муддатга мўлжалланган истиқболлар бўйича экспертларнинг фикрича, Хитойда нефть қазиб олиш ва истеъмол қилиш орасидаги номувофиқлик олдингидек ошиб боради. Масалан, 2020 йилда нефтнинг истеъмол қилиниши мамлакат ичкарисида қазиб олишга нисбатан 3 баробарга кўнайиши кутилмоқдаки, бу ХХР иқтисодининг энергия хом ашёси импортига боғлиқлигини янада оширади.

Бу ҳолатнинг чуқурлашувига яна бир сабаб шуки, Хитой 1990 йилдан бошлаб энергия ташувчиларнинг мутлақ импортерига айланган ҳолда, Яқин ва Ўрта Шарқ мамлакатларидан, биринчи навбатда Уммон ва Саудия Арабистонидан энергоресурсларнинг импорт қилинишига қарам бўлиб қолди. 2000 йил нефтнинг умумий истеъмоли деярли 200 млн. тоннага етган ҳолда нефть импорти ҳаммаси бўлиб 40 млн. тоннани ташкил этди. Бундан энергия ташувчилар истеъмоли тизимида импорт улушининг ошиши кўриниб турибди. Яъни, зарур бўлган нефтнинг 1/5 қисмини Хитой учун импорт қилишга тўғри келмоқда[2].

Хитойнинг нефть ва газ импортига қарамлиги, асосан Яқин ва Ўрта Шарқ мамлакатларидан (Уммон, Саудия Арабистони ва

[1] «OPEC Bulletin», «Oil and Gaz Activity» (Norway), 1999 йил учун статистик маълумотлар

[2] Г.Д. Бессарабов, А.Д. Собянин «Нефть Китая и перспективы России», 2001 г.

ҳ.к.) янада кучайиб бормоқда. Бу ҳолат минтақавий ва глобал ҳамкорликнинг кучайишига, шунингдек, мамлакатнинг жаҳон иқтисодиётига тезкор интеграциялашуви учун шароит яратади. Бироқ, Хитой хом ашёнинг ягона манбаига боғлиқ бўлган ҳолда ўзининг энергетика тизимини хавф остига қўймоқда. Муайян сабабларга кўра, энергия хом ашёси етказиб берилишининг тўхтатилиши Хитой энергетикаси учун фожиали оқибатларни келтириб чиқаради, чунки импорт мамлакат иқтисодиётининг 20 фоизини ташкил қилади.

Хитойнинг ҳозирги ва келажакдаги энергетик ҳолатини қуйидаги омиллар билан ифодалаш мумкин:

· бўлғуси 10 йилликдаги энергия истеъмолининг шиддат билан ўсиши;

· бир пайтнинг ўзида бошқа барча Шарқий ва Жануби- Шарқий Осиё давлатларида энергия ташувчиларга бўлган эҳтиёжнинг ошиши, қайсики, энергия таъминоти манбалари ва зўравонлик сиёсатидаги кураш учун рақобатни келтириб чиқариши мумкин;

· маҳаллий нефть ва газ конларининг етарли эмаслиги натижасида энергияни импорт қилиш учун эҳтиёжнинг мавжудлиги, авваламбор, Форс қўлтиғи мамлакатларидан, Хитой сиёсатига хавф олиб келувчи оқибатлар;

· кўмирга бўлган катта боғлиқликни атроф-муҳитни муҳофаза қилиш сиёсатини англаган ҳолда қисқартириш зарурийлиги;

· жаҳон иқтисодиётидаги жараёнларни ҳисобга олган ҳолда (глобаллашув, чиқимларнинг камайиши ва ҳ.к.), шунингдек, сиёсий хавфсизлик нуқтаи-назаридан келиб чиқиб, энергия ташувчиларни, транспорт алоқалари, ишлаб чиқариш бўлимларини (айниқса, чет мамлакатларда) диверсификациялаш эҳтиёжи;

· бир-бирига ўзаро боғлиқлик нуқтаи-назаридан жаҳон хўжалиги жараёнларидаги ҳозиргача унчалик сезиларли бўлмаган ўз интеграциялашув тажрибаси. Бу ерда асосий роль Хитойнинг ташқи ва хавфсизлик сиёсатидаги геоиқтисодий ва геосиёсий қизиқишларнинг институционал бирлашувига берилади, чунки унинг хавфсизликни таъминлаш сиёсатида фойдаланилаётган давлат энергия концернлари ҳали ҳам Пекин аппаратида институционал конгломерат қисми ҳисобланади.

Хитой учун Ҳинд океани ва Малакка бўғозидаги кемалар қатнов йўли муҳим аҳамият касб этади, Жануби-Шарқий Осиё ва асосан Мьянма (Бирма)га қаратилган Хитой сиёсатида нафақат иқтисодий мақсадлар балки, хавфсизлик сиёсати ва кема қатнови йўналишларининг кафолатланишига қаратилган, қайсики ҳарбий кучдан фойдаланган ҳолда Форс қўлтиғидан энергия ташувчи им-

портни амалга оширувчи узоқ муддатли ҳисоб-китоблардан иборатдир. Мьянма қирғоқларида ҳарбий базаларнинг қурилиши ҳамда бу давлат армияси ва флотига Хитой ҳарбий кучларининг ёрдами Хитой ва Ҳиндистон ўртасидаги низонинг аланга олувига сезиларли асос бўлди.

1999 йил Хитойда бундай қатновлар бир неча бор хавфсизлик сиёсати тўғрисидаги мунозараларнинг предмети бўлди ва бунинг келиб чиқишига Косоводаги тўқнашувлар ҳам кўмак берди. Бу эса Россия ва Марказий Осиё давлатларидан энергия ташувчилар импорти ҳисобидан диверсификациянинг кучайишига олиб келди.

Таъкидлаш керакки, ўзининг энергетик муаммоларини ҳал қилиш, шу жумладан, энергия хом ашёсини қазиб олиш ва фойдаланиш ўртасидаги доим ўсиб борувчи тўсиқни бартараф этиш мақсадида, шунингдек, Форс қўлтиғи давлатларидан нефть ва газ импортига бўлган узвий боғлиқлиги нуқтаи назаридан Хитой Россия ва Марказий Осиё давлатлари билан бу соҳада ҳамкорликни тобора кенгайтириши зарур бўлади.

Россиядаги қувурлар занжирининг ривожланган тармоғи ҳамда ҳудудларнинг бир-бирига яқинлиги Хитой ва Россиянинг нефть ва газ соҳасидаги стратегик ҳамкорлигининг истиқболлари учун муҳимдир. Шунга қарамасдан, ҳалигача бирорта Россия-Хитой нефть ва газ лойиҳаси ниҳоясига етказилган эмас. Ҳозирча, Красноярск ўлкасидаги нефть ўчоғидан Хитойга йўналтирилган нефть ўтказиш лойиҳаси бўйича тузилган келишув тугалланиш босқичида турибди.

Энергия ташувчиларнинг ҳозирги пайтдаги Хитойга етказилиши фойдасиздир, зеро транспорт инфраструктураси мавжуд эмас. Россиянинг «Транснефть» қувурлари Ангарскда тугайди. Шарқ томонга бошқа қувурлар мавжуд эмас. Қолган барча нарса темир йўл орқали боради, бу анча кам фойда келтиради, Хитойнинг нефтни импорт қилиши эса геометрик прогрессия каби ўсмоқда.

Россияни Хитой учун ўзаро фойдали асосда нефть ва газ етказувчи бир муқобил манба сифатида кўрсак, бошқа бир минтақани ҳам шундай баҳолаш мумкин.

XX асрнинг охирги йиллари Хитой учун Марказий Осиё давлатлари билан келажакдаги муносабатларнинг чуқурлашувига ва тараққиётига барқарор қизиқишни кўрсатиб берди ва Пекин бу минтақа давлатлари билан фаол муносабатларни ўрнатишга ҳаракат қила бошлади. Марказий Осиё давлатларида 60 млн.дан ортиқ аҳоли яшайди. Қозоғистон, Тожикистон, Қирғизистон Хитой билан 3700 км.ни ташкил этувчи умумий чегарага эга.

Собиқ иттифоқ тугатилганидан сўнг Марказий Осиё минтақасида ХХР учун қулай вазият вужудга келди. Марказий Осиё Россия таъсиридан чиқиб, Хитой ва бошқа давлатлар билан ҳамкорлик учун очиқ бўлди.

Марказий Осиё давлатлари яқинлашув сиёсатини рўёбга чиқарар экан, Хитой икки томонлама асосда ҳамда Ўзбекистон ҳам аъзо ҳисобланган Шанхай Ҳамкорлик Ташкилоти доирасида алоқалардан фойдаланди.

Марказий Осиё минтақасида муносабатларнинг кучайишига Пекиннинг интилишларини уйғотувчи ва қўллаб-қувватловчи асосий омиллар сифатида қуйидагиларни ажратиш лозим:

1. Хитойнинг Марказий Осиё минтақасидаги бой энергия ташув ва хом ашё ресурслари учун ҳаракати фаоллашиши;

2. Ўзининг ғарбий минтақаларида барқарорликни таъминлаши ва тараққиётни рағбатлантириши;

3. Хитойнинг ўз маҳсулотларини Марказий Осиё давлатларига киритиши ва ўз технологиялари билан уларнинг эҳтиёжини қондириши;

4. АҚШнинг бу минтақадаги фаолияти кенгайишига тўсқинлик қилиш ва Россия томонидан йўқотилган позицияларни эгаллашга доимий ҳаракат қилиш;

5. Хитойдаги ишсизлик омили ва демографик жиҳатни инобатга олган ҳолда турли хил ва ўзаро ҳамкорликдаги лойиҳалар орқали ишчи кучи экспортини амалга ошириш.

Юқоридаги фикр-мулоҳазалардан келиб чиқиб, шуни таъкидлаш жоизки, XXI асрда халқаро ҳамжамият Хитойнинг энергетика муаммоларининг ҳал этилишидан манфаатдордир. Хитой энергетика муаммоларининг муваффақиятли ҳал этилиши унга қўшни давлатлар ва бутун ҳамжамиятни ўзига нисбатан ишончли ҳис этишини белгилаб беради.

М.З.Мунавваров,
научный соискатель

ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО «ТОРГА»

«Подавить противника, не сражаясь, есть высшее искусство»
Сунь Цзю

В современном мире кардинально меняется стиль международной деятельности: дипломатия и непрямые методы воздействия становятся основными инструментами внешнеполитической деятельности государств. Если в средневековой Европе дипломатия носила скрытно-закрытый характер и являлась прерогативой элиты государств, то уже к началу XXI в. она приобретает публичный характер, становится открытой и доступной общественности.

Динамика отношений между государствами всегда находилась в прямой зависимости от интенсивности дипломатии или переговоров между сторонами. Даже когда отношения между государствами ухудшались вплоть до объявления войны, противоборствующие стороны старались поддерживать канал связи, чтобы при любой возможности изменить ход событий, используя политические методы воздействия. Важность роли и искусства дипломатии в международных отношениях отмечали многие, включая военных теоретиков, для которых фактор военной силы всегда имел ключевое значение при планировании внешнеполитической стратегии государства. Так, Карл фон Клаузевиц* не раз подчеркивал значимость и позитивный эффект процесса политических переговоров, особенно на первоначальной стадии конфликта.

Очень часто дипломатия рассматривалась как инструмент принуждения и психологического устрашения врага, подкрепленный достаточной военной силой. В урегулировании межгосударственных или региональных конфликтов она обычно носила принудительно-рациональный характер, а сами дипломаты играли главную роль в процессе разрешения спора и установления мира между конфликтующими сторонами.

В превентивной дипломатии первостепенное значение имеют политические аспекты стратегии урегулирования конфликтов. Если отношения между конфликтующими сторонами перерастут в военные действия, политические интересы заменяются военно-тактическими задачами с целью практического устранения врага. Один из «архитекторов» стратегии принуждения Т.Шеллинг* по этому поводу отмечает, что «физическая сила есть сила торга. Эксплуатация [этой силы] это - порочная дипломатия, но дипломатия»[1]. Способность государства заставить противника капитулировать путем постепенного увеличения риска наказания является главным компонентом стратегии принуждения.

Таким образом, для осуществления стратегии принуждения располагать большой военной силой недостаточно, хотя это составляет ее немаловажный аспект. Военная стратегия включает довольно широкий спектр политических целей и задач с ограниченными военно-тактическими сценариями. Как отмечает Шеллинг, «наука принуждения, запугивания и сдерживания»[2] - есть политическая сторона, необходимая для разработки полноценной военной стратегии.

Важно отметить, что для успешного осуществления стратегии принуждения необходимо выдержать ряд условий. Одно из них - противник полностью осознает всю серьезность угрозы и ищет разумный выход из создавшегося положения. Рациональное и осмотрительное поведение противника является подходящим основанием для инициирования конструктивного диалога и рассмотрения альтернативных вариантов разрешения конфликта. Оппонент, адекватно и осторожно реагирующий на те или иные угрозы, способный объективно сопоставлять собственные резервы с военно-политическим потенциалом противостоящих сил и предвидеть возможный ход событий при неблагоприятном стечении обстоятельств, является подходящим объектом для успешной реализации стратегии принуждения.

Более того, успех этой стратегии зависит от качества анализа, уровня восприимчивости и способности государства «выторговать» лучшие для себя условия. Применяя «силовую дипломатию», государство должно непредвзято оценить сильные и слабые стороны оппонента, ясно представить себе его цели и задачи, сомнения и страхи. Таким образом, необходимо иметь правдивую картину о противнике и разработать четкий и реалистичный план психологической атаки. Как отмечает Чарльз Рейнольд*, политический «торг» «...утверждает метод определения оптимальной стратегии, который даст желанный результат в неблагоприятной ситуации»[3]. «Торг» неуместен, если он не подкреплен адекватной военной силой, т.е. слабое государство не может диктовать, а тем более навязывать свои условия другой стороне. Оппонент должен быть убежден, что его отказ от предлагаемых условий повлечет для него самые неблагоприятные последствия.

Сам процесс «торга» подразумевает соблюдение нескольких неписаных правил во взаимодействии сторон. Среди них – обязательное наличие общих интересов между конфликтующими сторонами. При этом стороны должны ориентироваться на максимизацию, а не на абсолютизацию собственной выгоды. Относительная близость культурно-политических систем ценностей между ними[4] также желательна.

Классическим примером дипломатии принуждения может служить межимперское соперничество Англии и царской России за влияние в Центральной и Южной Азии в XIX в. Объективный анализ происходивших в тот период событий, четкий расчет и грамотные геополитические маневры Англии в Южной Азии «принудили» Россию отказаться от посягательств на существующий баланс сил в регионе и уважать интересы Англии в этой части мира.

В начале XIX века Россия и Великобритания обратили свой взор на регион Центральной Азии. Обе державы стремились к укреплению своего экономического могущества путем завоевания новых богатых территорий и создания собственных военных плацдармов. Российская империя проводила экспансионистскую политику в Цент-

*(1780-1831). Крупный военный стратег Пруссии, разработал основные приемы ведения войны и стратегического планирования.

*Американский экономист, главный разработчик теоретической структуры стратегии принуждения.

* Американский ученый-политолог, автор многих исследований по военной тематике.

ральной Азии с целью пробить «окно» в Южную Азию, а геополитические интересы Великобритании, прежде всего, были направлены на упреждение далеко идущих планов России, связанных с Индией - «жемчужиной британской короны».

В первой половине XIX в. Центральная Азия еще оставалась малоизвестной для остальной части мира. Географические барьеры - горы, пустыни и моря - надежно защищали народы, живущие в этом регионе, в то же время изолируя их от остального мира. Примерно с середины XIX в. русские и британские военные под разными предлогами активизировали свои попытки закрепиться в Центральной Азии.

Английский капитан Артур Конолли* , ясно понимавший цели и мотивы англо-российского соперничества в Центральной Азии, назвал его «великой игрой», суть которой - развертывающаяся конкуренция за влияние между викторианской Англией и царской Россией в этом стратегическом регионе[5]. Местные правители относились к иноземным путешественникам весьма подозрительно, а русским и англичанам вообще не доверяли, тем более, что большинство из них аккуратно записывали свои наблюдения и рассуждения в специальные дневники. Эти записи охватывали все - начиная от описания ландшафта городов и поселений до характеристики военных укреплений вокруг ханских дворцов.

Царская Россия, географически более близкая к Центральной Азии, проводила активную политику порабощения народов этого региона. Растущее влияние России в Центральной Азии не могло не беспокоить Британию, что отразилось, в частности, в активизации британских дипломатов в Москве. Последние настоичиво просили аудиенции императора Александра II, использовали все возможные каналы для выяснения истинных планов России в Центральной Азии, равно как стратегические намерения русских южнее этого региона. Они неоднократно пытались убедить русского императора отказаться от политики завоевания Центральной Азии.

В 1865 г. Россия завоевала Ташкент – сердце Центральной Азии. Позднее, когда князь Александр Горчаков* давал западным эмиссарам гарантии о миролюбивых намерениях России, особенно в отношении Хивинского ханства, русский генерал Константин Кауфман уже двигался в сторону Хивы и завоевал ее в 1873 г. Таким образом, российская сторона активно использовала в своих имперских планах «тактику введения в заблуждение».

Встревоженный «неадекватной» политикой России в Центральной Азии Артур Бальфур* считал, что Индия может стать следующим этапом в геополитической стратегии России. Строительство железнодорожной ветки из российского города Оренбург в Самарканд к 1905 г. окончательно убедило британцев в том, что Россия не ограничится завоеванием только Центральной Азии. Бальфур подчеркивал, что «эта линия удвоила возможные объемы транспортировки грузов из России в Западный Туркестан в случае начала военной кампании в регионе»[6]. Действительно, прокладка железнодорожной ветки значительно укрепила российские военно-политические позиции перед лицом военной мощи британцев в Южной Азии.

Англию не привлекала перспектива ввязывания в войну с русскими, которые, завоевав Центральноазиатский регион, уже смотрели южнее - в сторону Афганистана. Если русские войска продвинулись бы к афганским границам, развязывание войны между двумя империями стало бы вопросом времени. Во избежание такой войны Англия развернула активную превентивную дипломатию с целью создания буферной зоны между владениями двух империй.

После второй англо-афганской войны (1878-1980) внешние связи Афганистана стали полностью контролироваться Англией.[7] Это означало, что в случае выдвижения российских войск на афганскую территорию Англия однозначно поддержит афганцев в войне против России. Перспектива ввязывания в долгосрочную войну вдали от российских границ убедила русского царя Николая II подписать 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Центральной Азии и Афганистане.[8]

Таким образом, дипломатический прессинг, геополитические маневры и внушительная военная сила Англии заставили царскую Россию остановиться и «застолбить» южные границы империи в письменной форме. Две могущественные державы той эпохи, избежав прямой военной конфронтации, пришли к дипломатическому «консенсусу» и довели «Великую игру» до логического завершения.

Англо-русское соперничество в Центральной Азии является ярким примером военно-политического противоборства двух держав путем умелого стратегического планирования и успешного осуществления стратегии принуждения. Знание теоретико-концептуальных основ дипломатии, а также реальных исторических событий минувших столетий крайне важно для молодых узбекских дипломатов. Современная узбекская дипломатия является символом национальной независимости, отражает процессы экономических и политических реформ в стране, служит укреплению государственного суверенитета и системы безопасности как в республике, так и на всем пространстве Центральной Азии. Логика формирования внешнеполитической стратегии Республики Узбекистан требует изучения этого исторического опыта, использования концептуальных наработок в современных условиях глобализации и информатизации международных процессов. Познавая тонкости превентивной дипломатии и стратегии разрешения конфликтов, Узбекистан сможет успешнее бороться с внутренними и внешними вызовами, укрепить национальную и региональную систему безопасности, а также разработать собственную геополитическую модель поведения на мировой арене.

---

* Служащий Восточно-индийской компании в Индии, был обезглавлен в Бухаре в 1842 г. за шпионаж в пользу Великобритании.

*(1798-1883). Русский дипломат, посол в Вене (1854-1856); министр иностранных дел при Александре II (1857-1881).

* (1848-1930). Государственный деятель Англии; в 1891 г. стал лидером консерваторов в палате общин; с 1902 – премьер-министр Великобритании.

1 Thomas C.Schelling, Arms&Influences (New Haven: Yale University Press, 1966), p.2.

2 Ibid., pp. 32-34.

3 Charles Reynolds, The Politics of War (USA, St.Martin's Press, 1989), p.102.

4 Thomas C.Schelling, The Strategy of Conflict (United States, Harvard University Press, 2002), p.4.

5 Peter Hopkirk, The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia (New York, Kodansha Int. ltd., 1992), pp.123-135.

6 Siegel J. Endgame: Britain, Russia and the Final Game for Central Asia (London, IB Tauris, 2001)

7 C.E.Bosworth, The Medieval History of Iran, Afghanistan, and Central Asia (USA, Ashgate Pub. Co., 1977)

8 Keith Wilson, The Policy of Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy, 1904-1914 (UK, Cambridge University Press, 1985)

Б.Б.Очилов,
старший преподаватель кафедры «Международные отношения», УМЭД
И.Х.Якубов,
преподаватель кафедры «Международные отношения», УМЭД

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Проблема борьбы против терроризма является актуальнейшей и для современных международных отношений, и для большинства государств. Исследование террористической угрозы в контексте процессов становления демократии вызывает особый интерес в тех государствах, где эта угроза способна подвергнуть серьезным испытаниям процессы демократизации.

Эта проблема носит двойственный характер. С одной стороны, неизбежность и безальтернативность процессов демократизации молодых независимых государств порождает возможность легального политического участия движений, так или иначе допускающих насильственные методы борьбы. С другой - в переходном обществе меры со стороны государства, направленные на усиление контроля с целью недопущения экстремистских действий и террористических актов, могут являться дополнительными препятствиями процессам демократизации.

Проблема усугубляется объективными издержками процессов становления новой политической системы, в том числе объективной слабостью демократических институтов, а также неизбежно возникающими социально-экономическими трудностями.

Меры по предупреждению террористических актов объективно могут стать дополнительными препятствиями процессам демократизации в силу того, что, хотя акты насилия вызывают массовое осуждение и массовую поддержку мер противодействия, единодушие общественности по отношению к тем или иным социально значимым событиям и явлениям, как правило, может служить своеобразной индульгенцией на осуществление социально-политической элитой той или иной линии во внутренней и внешней политике. При определенных обстоятельствах это может являться препятствием демократизации, ибо более значимой поддержки, чем общественная, нет ни в какой политической системе.

Комплекс мер, предпринимаемых различными странами мира для решения проблемы терроризма, часто включает усиление различных форм контроля над жизнью общества. В то же время, независимо от качественного социального развития общества, в период глобальных социальных катаклизмов и противоречий существует объективная необходимость в контроле и регуляции за функционированием ряда сфер и областей деятельности конкретной социальной общности, от которых в немалой степени зависят не только благополучие и общесоциальное спокойствие граждан, но и будущее общества в целом.

Во всех странах мира, в том числе и в Узбекистане предпринимаются меры, направленные не только на предупреждение террористической угрозы, но и на искоренение ее причин. В выполнении этих задач большое значение имеет Закон Республики Узбекистан «О борьбе с терроризмом», принятый Олий Мажлисом 15 декабря 2000 г. и направленный на бескомпромиссную борьбу с новыми вызовами.[1]

Ситуация в Узбекистане имеет свою специфику. В отличие от других стран Центральной Азии, население Узбекистана в целом в силу географических и исторических особенностей более религиозно: тысячелетнее преобладание оседлого населения привело к созданию городов, культурно-религиозных центров, мечетей, медресе, системы религиозного образования. Мавераннахр стал родиной знаменитых мухаддисов, которые писали о пророке Мухамеде, и крупнейших правовых школ Ханафии. Общепризнано во всем мусульманском мире богатое наследие классической исламской духовности, вклад великих Имама Ал-Бухари, Ат-Термизи, Бахауддина Накшбанди, Мотуриди, Аз-Замахшари, Маргинони и др. Все религиозные центры Центральной Азии были сосредоточены на территории Узбекистана: Самарканд, Бухара, Термез, Шахрисабз, Хива, Коканд, Ташкент и др. В результате население Узбекистана традиционно имеет высокий уровень религиозности и здесь сложились условия толерантности, святости и благородства, которые также создали благодатную почву для сосуществования различных религиозных и религиозно-философских учений.

Вместе с тем, с одной стороны, в XX в. господство чуждой центральноазиатским народам идеологии привело к тому, что «в своей массе верующие до середины 90-х годов не имели доступа к Корану». И, как следствие, «в бывших советских республиках Центральной Азии, где существовал запрет на исламское просвещение, не могло быть значительного числа высокообразованных исламских наставников. Зато процветали всевозможные суеверия, иногда реакционные, носители которых сегодня иногда выступают с претензией на высшую истину, навязывая ее всему населению, и право распоряжаться судьбами людей». Это внесло «собственный вклад в создание предпосылок для религиозного фундаментализ-

[1] Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2000, №11. Декабрь. Ст.158

ма и традиционализма на постсоветском пространстве»[1].

С другой стороны, XX век характеризуется резко усилившимся процессом глобализации, которая захватывает не только политическую, хозяйственную, информационную сферы, но проявляется и в форме культурной агрессии. А исламский радикализм подпитывается не только религиозно-идеологическими, политическими и социально-экономическими факторами, но и теми «ценностями», которые несет с собой так называемая «вестернизация». Для исламских радикалов война против «неверных» является и войной против либеральных ценностей, которые противопоставляются традиционному образу жизни и всей культуре мусульман. «Вестернизация» означает господство чуждой «культуры» во всех аспектах - в одежде, поведении, образовании, искусстве. Как отмечает Ч.Краутхаммер, «обвинение, которое джихадисты выдвигают против свободы, заключается в том, что она везде, особенно в Соединенных Штатах и в Европе, несет с собой сексуальную распущенность и коррупцию, загнивание и порок»[2].

Следовательно, важнейшей задачей независимого Узбекистана стало возрождение богатейшего духовного наследия и традиций религиозного просвещения. За годы независимости руководством страны проделана большая работа в этом направлении. Восстанавливаются мечети, медресе, издается религиозная литература, дающая возможность приобщиться к богатейшему духовному наследию просвещенного ислама. Развиваются такие духовные учебные заведения, как старейшее – с 1946 г. - медресе «Мир араб» в Бухаре, Ташкентский исламский институт, действующий с 1971 г. Открыты новые духовные учебные заведения - «Имом Ал-Бухорий» в Самаркандском вилояте (1991 г.), «Мухаммад ибн Ахмад ал-Беруний» в Нукусе (1992 г.), «Хужа Бухорий» в Китабе (1992 г.) и др. В 1999 г. в Ташкенте был открыт Исламский университет – светское учебное заведение, призванное готовить квалифицированных специалистов-исламоведов.[3]

По нашему мнению, к числу главных мер по предотвращению угрозы крайних форм исламского фундаментализма в Узбекистане и других государствах Центральной Азии относится дальнейшая демократизация политических систем и процессов. Как отметил Президент Узбекистана Ислам Каримов, «мы видим свое будущее в опоре и сотрудничестве со всем демократическим сообществом, укреплении у наших людей, в первую очередь молодежи, общечеловеческих ценностей, формировании необходимых условий для повышения политического и правового сознания граждан»[4].

Процесс демократизации затрагивает и религиозную сферу. Показателем этого является Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях», который был принят 1 мая 1998 г. Олий Мажлисом Республики Узбекистан в новой редакции[1]. По сравнению с прежней редакцией (от 14 июня 1991 г.) закон устанавливает новые преграды на пути распространения религиозного экстремизма и фундаментализма.

Так, в ст. 19 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в частности, указано: «Издание, хранение и распространение печатных изданий, кино-, фото-, аудио-, видеопродукции и других материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством».[2]

Ст. 5 закона запрещает действия, направленные на «разжигание вражды между различными конфессиями»[3]. Собственно религиозная организация может быть создана по инициативе не менее 100 человек[4]. В ст. 23 закреплено, что «должностные лица, а также священнослужители несут ответственность за нарушения законодательства о свободе совести», подчеркивается равенство всех граждан перед законом.[5]

Законодательные меры свидетельствуют о стремлении к максимальному учету всевозможных источников распространения идей религиозного фундаментализма. Сущность комплексных мер по противодействию угрозе исламского фундаментализма в том, что «Узбекистан решительно осуждает экстремизм, терроризм, религиозный фанатизм и фундаментализм в любом его проявлении...»[6].

Парадоксом здесь является то, что в государствах с преобладанием мусульманского населения, где прижилась так называемая западная свободная избирательная модель развития, допускающая легальное участие религиозных организаций в политических процессах, появилась возможность проникновения к власти у движений антизападных, фундаменталистских исламских, имеющих существенный потенциал в ряде стран (Алжир, Турция, Пакистан и др.). Главная же особенность современных радикальных исламистских идеологов – активная борьба со светскими режимами. Соотношение религиозной и светской систем ценностей в развитии политической системы - важный компонент в эффективности мер по предупреждению политической активности радикальных фундаменталистских движений.

При демократизации, «в процессе принятия политических решений стала возрастать роль законов, в особенности права свободно обсуждать политические вопросы, влиять на выдвигаемые правительством предложения и требовать от входящих в правительство министров отчета о ходе осуществления

[1] Каримов И.А. Узбекистан на пороге 21 века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент. Узбекистон. 1997. С. 38-40.

[2] Charles Krauthammer. Abu Ghraib as Symbol. //The Washington Post. 7 May. 2004

[3] Инсон тараққиёти тўғрисида маърўза. Ўзбекистон. 1999. С.72.

[4] Каримов И.А. Мирная жизнь и безопасность страны зависят от единства и твердой воли нашего народа. Вечерний Ташкент. 01.05.2004

[1] Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» (Новая редакция). Т.: Адолат. 1998. С. 32.

[2] Там же. С. 29.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. С. 23.

[5] Там же. С. 30.

[6] Каримов И.А. Выступление на 48 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 1993 г.. Т.2. Т. Узбекистон. 1996. С. 50.

намеченной политики. Общественные организации добились большей независимости от мелочной опеки со стороны государства»[1].

Как отмечают отечественные и зарубежные эксперты, «слабость демократических институтов во многих странах, стремящихся к построению гражданского общества и правового государства, оставляет широкие возможности для активизации радикально настроенных исламских организаций, роста их влияния на социально уязвимые слои населения, особенно молодежи»[2]. И ослабление контроля со стороны государства в этих условиях может привести к усилению данной угрозы.

Вместе с тем важно понимание, что укрепление демократии, структурные реформы системы властных отношений позволят выявить и согласовать интересы различных групп общества, в том числе и тех, кто может составить социальную базу для течений, не исключающих для себя террористические методы. Здесь необходимо отметить, что в условиях нарастания и возникновения новых угроз важно избегать крайностей и находить тонкую грань между контролем как одной из мер по искоренению терроризма с одной стороны, и процессами демократизации, позволяющими учесть интересы различных социальных групп, - с другой.

Последовательность и целенаправленность политики Узбекистана по реализации мер в различных областях жизни общества, от которых зависит благополучие всех последующих поколений граждан независимого государства, является прочной гарантией процветания и успешной модернизации. Продвижение Узбекистана к социально-ориентированной рыночной системе, демократическому, гражданскому обществу, основывается на наличии определенных политических, экономических и прочих условий, без которых подобное усиленное развитие невозможно. Как подчеркивает Президент Узбекистана, «сегодня можно сказать уверенно - реформы в Узбекистане приобрели необратимый характер. Их уже нельзя повернуть назад»[3].

В условиях роста числа региональных конфликтов и противоречий как следствия изменений геополитической структуры мира, в том числе на этнонациональной и религиозной основе, появляется все больше взглядов и концепций о «формировании глобального противостояния между исламской и неисламской цивилизациями, что самым отрицательным образом сказывается на процессах интеграции в мировом сообществе, консервирует отставание новых независимых государств»[4]. Изучение данного

[1] Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М. ИД «Инфра – М», «Весь мир». 2000. С.135.

[2] Ислам и светское государство. Под ред. Мунавварова З.И., Шнайдер-Детерс В. Т.: Международный фонд Имама ал-Бухари. Фонд им. Конрада Аденауэра. 2003. С.148.

фактора представляет особый интерес как в свете стабильного функционирования поликонфессиональных и полиэтнических политических систем (в частности, в Узбекистане), так и необходимости обеспечения стабильного, демократического и процветающего развития в постиндустриальную эпоху.

Современный терроризм, преодолев национальные барьеры, превратился в перманентный источник угроз как для западных, так и для восточных государств. Это объективно предопределило возникновение и развитие конструктивного сотрудничества в борьбе с новыми транснациональными вызовами безопасности.

В последние годы получает все более целенаправленный и осмысленный характер противоборство терроризму на международном уровне. Создание соответствующей международно-правовой базы (подобные усилия предпринимались мировым сообществом с 1970–х годов), консолидация стран, реализация мер социально–экономического и идеологического характера способствуют как успешности противостояния терроризму в новых независимых государствах, так и недопущению принятия неадекватных мер, препятствующих процессам становления демократии.

Развитие политических систем и процессов последнего времени, в том числе падение режима движения «Талибан», попытки внедрения демократических институтов в Афганистане, тенденции к большей открытости общественно-политических систем в мусульманских государствах и непримиримость по отношению к радикальным исламистским движениям свидетельствуют о существенных изменениях в политике ряда стран исламского мира. С одной стороны, в общественном мнении мусульманских стран все более крепнет понимание необходимости борьбы с крайними формами проявлений религиозного фундаментализма, в том числе исламского. С другой стороны, не подвергается сомнению значимость поддержания национальных особенностей, культурно-специфических условий жизни народов, что, в свою очередь, неизбежно отражается в демократическом устройстве модернизирующегося общества.

Положительным фактором здесь является и то, что активное международное сотрудничество государств в разрешении проблемы терроризма привлекает внимание мирового сообщества к задачам, связанным с демократизацией общественной жизни, в том числе в Центральной Азии.

На современном этапе, после известных сентябрьских (2001 г.) событий в США, международное сотрудничество Республики Узбекистан в борьбе с крайними проявлениями исламского фундаментализма и экстремизма приобрело новые импульсы и динамизм, которые всколыхнули все человечество, показали всему миру, что проблема борьбы с крайними формами религиозного фундаментализма, такими, как терроризм и экстремизм, имеет глобальный характер. Нерешенность этой проблемы несет угрозу для любой политической системы. Понимание необходимости укрепления международного сотрудничества в решении актуальных задач в борьбе с терроризмом

[3] Каримов И.А. Избранный нами путь - это путь демократического развития и сотрудничества с прогрессивным миром. Т. Узбекистон. 2003. С.10.

[4] Каримов И.А. Узбекистан на пороге 21 века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент. Узбекистон. 1997. С.45.

привело к положительным изменениям в этом направлении.

Республика Узбекистан активно сотрудничает с международными организациями в решении вопросов, противоречий, конфликтов в данной области. Примерами такого сотрудничества и активной позиции Республики Узбекистан являются инициативы Президента И.А.Каримова по созданию Международного центра по борьбе с терроризмом (МЦБТ) в рамках ООН, озвученные на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 г. и на Саммите тысячелетия в 2000 г.

Узбекистан тесно сотрудничает с Комитетом по борьбе с терроризмом (КБТ), созданным в сентябре 2001 г. резолюцией №1373 (2001) Совета Безопасности ООН, а также с Антитеррористическим центром СНГ; проводит соответствующую работу в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Активная роль Узбекистана в содействии усилиям международной антитеррористической коалиции высоко оценивается мировым сообществом.

Бескомпромиссная и последовательная позиция Узбекистана в борьбе с международным терроризмом обусловлена тем, «что с серьезными и опасными проявлениями терроризма, экстремизма, попытками свернуть нашу страну с твердо избранного пути демократического развития Узбекистан столкнулся задолго до 11 сентября. ...с этими угрозами мы сталкиваемся на протяжении последних десятилетий».[1]

Терроризм является фактором, с одной стороны, препятствующим становлению и развитию демократии в переходном обществе, с другой стороны, демократизация позволяет наиболее полно выявить и учесть интересы различных социальных групп и, таким образом, укрепление демократии является наиболее адекватным ненасильственным ответом террористической угрозе.

Несмотря на то, что в последние годы как в Узбекистане, так и в мировом масштабе осуществлены серьезные меры по предотвращению террористических угроз, работа в этом направлении продолжается, поскольку угрозы и вызовы, связанные с данной проблемой, не исчезли, но принимают новые формы. Остается также открытой проблема оптимального соотношения мер по искоренению терроризма, выявлению конкретных недостатков в демократической системе, недостаточно учитывающих чьи-либо интересы, и противодействию течениям, прикрывающим истинные цели легальной деятельностью.

Необходимость вступления в диалог, учет интересов групп населения, осознающих себя наиболее ущемленными, возможны только при дальнейшей демократизации системы властных отношений в обществе.

[1] Каримов И.А. За безопасность и мир надо бороться. Т.: Узбекистон. 2002. С. 269.

Ж. Ю. Артыков,
исследователь УМЭД

ТРАНСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В XXI ВЕКЕ.

Объективной составной частью национальной транспортной политики в контексте внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан является налаживание широкого взаимодействия с политическими и экономическими структурами и странами мира. Сотрудничество нашей республики со многими странами мира позволяет эффективно использовать и реализовать огромный экономический и сырьевой потенциал региона. Однако Узбекистан окружен странами, не имеющими выхода к морским терминалам, и для этого ему требуется пересечь территории как минимум двух государств, что является геоэкономически уязвимым моментом.

Проблема интеграции центральноазиатских государств в сфере транспорта, играющая важнейшую роль в формировании внутреннего и внешнего рынков и объединяющего в единое целое все отрасли хозяйства страны, производство и потребление, способствует преодолению размежевания и сближению народов. Транспортный фактор имеет большое значение в международном и внутригосударственном разделении труда. Именно транспортные коммуникации должны обеспечить Узбекистану и всей Центральной Азии рывок в будущее.

Обладая большим экспортным потенциалом, Узбекистан в своей внешней и внутренней политике вынужден принимать в расчет свою отдаленность от морских торговых путей, что априори удорожает продукцию и снижает ее конкурентоспособность. Руководство республики прилагает огромные усилия к поиску наиболее эффективных путей решения этой проблемы, которая стоит перед всеми центральноазиатскими странами.

Существует большой выбор транзитных вариантов, а также новые маршруты[1], которые недавно были открыты или будут открыты в скором будущем, и множество предложений относительно других возможных маршрутов. Поэтому назрела необходимость оценить нынешнее положение в области транзитных перевозок, определить, какие безотлагательные меры можно предпринять, чтобы обеспечить их эффективное функционирование, и какие альтернативные варианты являются оптимальными и приоритетными в будущей деятельности.

[1] «Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность» Т. «Шарк», 2002. С. 26.

Вопрос развития транспортных коммуникаций получил политический характер, в решении его заинтересованы не только страны региона, но и ведущие страны мира. Если в настоящий момент основная масса грузопотока проходит по трем путям через Россию, то новые реалии с настоятельной необходимостью требуют разработки альтернативных путей выхода к морским портам Индийского и Тихого океанов[1].

Недостаточное внимание к развитию транспорта обычно приводит к серьезным сложностям в снабжении продукцией как промышленности и сельского хозяйства, так и населения, не дает возможности увеличить экспортно-импортные операции и т.д. С другой стороны, в результате слабого развития транспортных коммуникаций возникают проблемы с изменением сложившегося размещения промышленности.

Таким образом, развитие транспорта - одна из составляющих вовлечения Узбекистана в мировое сообщество. Развитие этой отрасли создаст более привлекательные условия и для иностранных инвесторов. Тесно связано оно и с необходимостью производить в республике импортозамещающую продукцию.

Немаловажное значение имеет развитие туристических центров, что ставит вопрос о перевозке туристов, для которой республика пока вынуждена изыскивать средства на строительство и ремонт дорог, приобретение транспорта, подготовку кадров.

Предпринятая попытка реорганизации транспортных сетей представляет собой отклик на стремление новых государств обеспечить свою независимость. Это четко просматривается на юге СНГ. Из восьми новых государств семь не имеют выхода к открытому морю. Однако за техническими дискуссиями по поводу наиболее подходящей трассы и наилучшего способа транспортировки (автомагистрали, железные дороги, нефтепроводы) начинают вырисовываться откровенно узко национальные цели. О тяготении многонациональных компаний и западных государств к Центральной Азии, Каспийскому морю и Кавказу, которые долго считались "заповедной вотчиной" российских интересов, уже начинают говорить как о новой "большой игре". Обеспечить восьми странам надежное решение транспортной проблемы взамен российской монополии на существующие экспортные магистрали – цель ряда программ и в том числе программы транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА)[2].

В 1998 г. в Баку прошла международная конференция, посвященная проблемам возрождения исторического Великого шелкового пути (проект «ТРАСЕКА»). По итогам конференции было подписано «Соглашение о развитии

[1] Там же.

[2] Проект транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА), разработанный Европейским Союзом, призван возродить один из древнейших маршрутов Великого шелкового пути. Финансирование программы осуществляется за счет средств Комиссии европейского сообщества (КЕС). Технические проекты в рамках программы ТРАСЕКА инвестируются ЕБРР (250 млн долларов США), Всемирным банком (5 млн долларов), АБР (Азиатский банк развития) и рядом частных инвесторов.

транзитного коридора «Европа – Кавказ – Центральная Азия» (ЕКЦА), который подписали президенты Азербайджана, Болгарии, Грузии, Киргизии, Молдавии, Румынии, Узбекистана, Украины и Турции. Участники Бакинской конференции оценивали ее как событие историческое, способное дать мощный импульс для формирования на евроазиатском пространстве новых экономических центров.[1] Однако за два года объемы азербайджанских железнодорожных перевозок по коридору ЕКЦА составили в 1998 г. 13,08 млн т, а в 1999 г. – 13,52 млн т, то есть выросли за 12 месяцев на 3,5%. Автомобильные перевозки по азербайджанскому участку коридора ЕКЦА вообще составляют около 1% от общего грузопотока АР.[2]

Для решения данной проблемы и урегулирования тарифной политики 2 сентября 2000 г. в Тбилиси было проведено внеочередное совещание руководителей железнодорожных администраций Азербайджана, Болгарии, Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Совещание проходило по инициативе и под председательством Грузии, являющейся одновременно председателем Межправительственной Комиссии (МПК) ТРАСЕКА.[3] Был принят ряд решений, которые будут содействовать повышению конкурентоспособности коридора ТРАСЕКА. В частности, решено применять единый порядок расчета за транзитные перевозки из третьих стран в третьи страны. Участники совещания решили обратиться с предложением к руководству судоходных компаний «Укрферри» и «Каспийское морское пароходство» рассмотреть возможности применения льготных тарифов на транзитные перевозки по железнодорожно-паромному сообщению по коридору ТРАСЕКА, а также были намерены просить Постоянный Секретариат МПК ТРАСЕКА подготовить проект установления нулевой ставки налога на добавленную стоимость услуг на железнодорожном транспорте. Совещание сочло целесообразным создать рабочую группу в рамках МПК по тарифной политике и по таможенным процедурам, а также определить генеральных экспедиторов для работы в коридоре Европа - Кавказ – Азия, кроме того, обратиться с предложением к правительству Туркменистана, который не является участником проекта ТРАСЕКА, пересмотреть вопрос относительно предоставления льготных тарифов на транспортные перевозки и рассмотреть возможность присоединения Туркменистана к «Основному Многостороннему Соглашению о международном транспорте».

По итогам состоявшейся в апреле 2002 г. в столице Узбекистана второй конференции Межправительственной комиссии ТРАСЕКА была принята «Ташкентская декларация». В итоговом документе конференции говорится, что проект ТРАСЕКА по созданию транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия станет одним из основных факторов формирования глобальной системы

[1] http//www.transcaspian.ru. «ТРАСЕКА» (Евросоюз) против коридора «СЕВЕР-ЮГ» (Россия, Иран, Индия)

[2] Там же

[3] АвтоТрансИнфо, 5 сентября 2000г.

международных грузоперевозок, установления многостороннего сотрудничества между государствами, укрепления мира и стабильности.[1]

Третья ежегодная конференция стран-участниц ТРАСЕКА проходила в октябре 2003 г. в столице Армении. В работе форума участвовали председатели 13 стран-членов программы ТРАСЕКА и в качестве наблюдателей - представители Афганистана и Ирана, которые намерены присоединить к программе в 2004 г.[2] Как сообщил министр транспорта и связи Армении Андраник Манукян, по итогам конференции принята Ереванская декларация, в которой отражены цели и направления развития программы. Участники форума обсудили новую стратегию ТРАСЕКА на 2004-2008 гг., приняли решение создать Совет глав железных дорог, портов и судоходных компаний ТРАСЕКА, утвердили совместное финансирование Межправительственной комиссии и Ташкентский протокол о внесении дополнений к Основному многостороннему соглашению. На конференции были утверждены протоколы «О внесении дополнений к техническим приложениям по международному автомобильному транспорту», «О внесении дополнений к техническим приложениям по международному автомобильному транспорту для его дальнейшего согласования сторонами», «О внесении дополнений к Основному многостороннему соглашению для дальнейшего согласования сторонами».

Основную конкуренцию проекту ТРАСЕКА в Черноморском регионе составляет юго-западная ветвь проекта «Север-Юг» (выход на российские порты Черноморского-Азовского бассейна). Идея проекта ТРАСЕКА на момент создания (начало 90-х годов) состояла в блокировании российских интересов при поддержке Европейского Союза, однако сказалась коммерциализация транспортной деятельности. Ныне годовой объем российского транзита на порты Украины составил 20 млн. тонн, а украинского через Россию на Восток – 1 млн.[3]

Политологическое исследование транспортной стратегии Республики Узбекистан в контексте её международных отношений очень сложна и противоречива. Она имеет не только настоящее, но и прошлое, и требует приоритетного использования современных методологических подходов в аспектах национальном, региональном и глобальном, а также геополитического анализа, наряду с корректированным обращением к традиционным методам.

Главной концептуальной идеей является то, что изучение вопросов становления и развития международных отношений и транспорта Республики Узбекистан должно осуществляться с точки зрения:

а) глобальных тенденций и процессов, происходивших в конце XX и начале XXI века, потребности выработки оптимальной и действенной модели мирного сосуществования в новом тысячелетии;

б) проблем регионального развития Центральной Азии;

в) национальных интересов и приоритетов узбекского государства, необходимости продвинутой интеграции в мировое сообщество.

[1] РИА «Новости», 26.04.2002г.
[2] РИА «Новости», 10.10.2003г

[3] SeaNews 27.08.2002 г.

На наш взгляд, для расширения и углубления взаимодействия транспортных систем стран Центральноазиатского региона необходимы:

1.Гармонизация таможенных правил и политики в соответствии с общепринятыми в мировой практике таможенными конвенциями, принятие рамочного соглашения по транзитному транспорту, одновременное усиление ответственности государств за их нарушение.

2.Изучение вопросов создания транснациональных финансово-промышленных групп и корпораций в области строительства и эксплуатации транспортных линий, формирования и развития транспортных коридоров, совместных компаний и корпораций по перевозке грузов и пассажиров, производству и ремонту транспортных средств, узлов и агрегатов и запчастей к ним.

3.Целесообразна также координация работ по исследованиям теоретических и практических аспектов взаимодействия в сфере транспорта, а также проведение работ по совершенствованию статистического учета и отчетности на транспорте с учетом требований международных стандартов и внедрения системы национальных счетов.

Анализ существующих проектов и отношения к ним заинтересованных стран региона показывает, что на основании существующих на сегодняшний день принципов рассматриваемая в работе проблема еще долго не сможет найти своего удовлетворяющего всех ответа. В связи с этим назрела настоятельная необходимость пересмотра не самих проектов, а проблемы в принципе. В качестве первоначальной точки отсчета мы предлагаем в основу положить не территориальный принцип, когда каждое государство стремится к тому, чтобы по его территории проходила транспортная коммуникация, а, например, принцип транснациональной магистрали. Для этого узкой группой специалистов должна быть определена географическая середина, а экономистами - экономическая середина. Их соединение даст ответ на выбор наиболее рациональной географически и экономически трассы, строить которую можно на принципе акционерных обществ. Доходы в этом случае следует распределять не от территориального транзита, а от количества акций, вложенных в строительство трассы. Можно было бы сразу оговорить наибольшее количество акций, которое может иметь каждое заинтересованное государство - это предотвратит возможность монополизировать трассу одному какому-либо государству. А руководить строительством и эксплуатацией трассы будет транснациональная корпорация, независимая ни от одного из государств-участников. С точки зрения внешнеполитической это означает отсутствие зависимости стран региона от европейских и азиатских государств, которые, являясь практическими владельцами разрабатываемых до сих пор проектов, естественно, становятся монополистами трассы и будут диктовать свои условия. Создание же транснациональной корпорации позволит избежать такого положения.

З.С. Убайдуллаев,
кандидат юридических наук,
и.о.доцента кафедры гражданского права УМЭД,
директор Центра правовых исследований

СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБОРОТЕ

Правововое регулирование договора во внешнеэкономическом обороте - важный механизм рыночной экономики.

Договорное право регулирует самые разнообразные хозяйственные связи, как организаций, так и граждан, в том числе при осуществлении внешнеэкономических операций, в основе которых, по общему правилу, лежит соглашение сторон - договор.

Договорному праву Европейского Союза и постсоветских республик посвящен ряд фундаментальных исследований юристов Англии, Франции, Германии, России, Узбекистана, среди которых А.Поллак, К.М.Шмитхофф, А.С.Йоффе, Л.А.Лунц, М.И.Брагинский, М.М.Богуславский, Х.Рахманкулов, Р.Рахманкулов, Р. Книппер и др.

В прошлом регулирование внешнеэкономических связей Узбекистана с зарубежными странами осуществлялось централизованно - Министерством внешней торговли СССР, Внешторгбанком и др. Применение договора прежде было ограничено, в зависимости от предмета и субъективного состава практиковалось в основном в сфере розничной торговли. Предпринимательство рассматривалось как явление, чуждое советскому строю. Плановое, административно-командное управление народным хозяйством не оставляло за предприятиями права самостоятельно заключать договора купли-продажи, за исключением вспомогательных товаров. Предприятия и учреждения сами не могли выбирать поставщиков или покупателей продукции не только за рубежом, но и внутри страны; в Узбекистане они вступали в договорные отношения только по указаниям свыше.

С обретением суверенитета наша страна вступила в полноправные внешнеэкономические отношения. Законодательная база Республики Узбекистан обеспечивает широкие возможности участия государства и всех субъектов предпринимательской деятельности во внешнеэкономических операциях. Был принят Закон Республики Узбекистан «О внешнеэкономической деятельности», образовано Министерство внешнеэкономических связей, преобразованное ныне в Агентство.

Рыночные отношения, демократические формы управления в системе экономики определили широкое применение договоров как формы свободного волеизъявления субъекта экономической деятельности.

В системе гражданского права сложился институт договорного права, и одним из компонентов его является договор во внешнеэкономических отношениях, регулирующий сложные комплексные правоотношения.

Чтобы раскрыть сущность договора во внешнеэкономическом обороте, рассмотрим общие понятия договора. Его правовая сущность проявляется как форма общения между отдельными индивидами, индивидами и группами, группами и социальными институтами, различными структурными образованиями. Сущность договора как правовой формы регулирования определяется особенностями материальных отношений общества. Товарно-денежные отношения определяют не только характер общественного развития, но и природу, формы и методы правового регулирования отношений, в том числе во внешнеэкономическом пространстве.

Специфика международных экономических отношений определяет формирование особого правового режима для договоров в этой сфере. Что следует понимать под договорами в сфере экономических связей? Ст. 101 ГК РУ определяет сделку как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; создается правовая платформа для договорных отношений, связующим звеном для которых служит соглашение сторон об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 353 ГК РУ). Ст. 1181 ГК РУ определяет форму сделки в единых нормах международного частного права, применимых к гражданско-правовым отношениям.

Форма сделки определяется правом места ее совершения. Внешнеэкономическая сделка, если хотя бы одним из участников ее является юридическое лицо РУ, совершается, независимо от места заключения сделки, в письменной форме. Сфера действия применимого права отражена в ст. 1192 ГК РУ, которая раскрывает условия внешнеэкономической сделки.

Тенденции международной унификации правового регулирования внешнеэкономических операций ведут к закреплению в международных нормах особенностей договоров в сфере внешнеэкономических связей и все большему обособлению правового режима этих договоров. Этому способствует и ратификация Олий Мажлисом РУ Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» (1990 года), «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом». Вопрос об определении понятия «внешнеторговая (внешнеэкономическая) сделка» тесно связан с вопросом о границах компетенции каждого государства в сфере регулирования международных экономических отношений. Поскольку в указанной сфере тесно переплетаются интересы различных государств, субъекты права которых

вступают в договорные отношения, к такого рода сделкам не может применяться только национальное право данной страны по всем вопросам заключения и исполнения контрактов между физическими и юридическими лицами этой страны и иностранными партнерами. Даже если бы какое-либо государство и стало претендовать на регулирование данных отношений исключительно собственным правом, в полной мере реализовать такие претензии невозможно из-за ограниченности юрисдикционных правомочий каждого государства определенными рамками. Поэтому в национальном гражданском законодательстве в тех или иных пределах допускается возможность выбора сторонами применимого права и рассмотрения споров в иностранных судах и арбитражах, включая коллизионные нормы, что и составляет специфические черты правового режима договоров в области внешнеэкономической деятельности.

Давая определение внешнеторговых сделок, Л.А. Луни писал, что к ним относятся сделки, «в которых, по меньшей мере, одна из сторон является иностранием (иностранным гражданином), и содержанием которых являются операции по ввозу товаров из-за границы, либо вывозу товара за границу, либо подсобные операции, связанные с ввозом или вывозом товаров».

Однако в этом определении не отражено то, что сделка должна носить для обеих сторон торговый характер.

Под понятие внешнеторговой сделки не подпадают так называемые «бытовые» сделки, совершаемые сугубо для личных целей. Предметом внешнеторговой сделки может быть предоставление технических услуг.

О.Н. Садиков выделяет два общих признака внешнеторговой сделки:

Во-первых, одна из сторон находится в другом государстве и, следовательно, в большинстве случаев является иностранцем; во-вторых, предмет такой сделки — внешнеторговая операция. Отсюда можно заключить, что разная национальность партнеров не считается обязательным признаком. Достаточно, чтобы стороны находились в разных государствах.

М.И. Богуславский дает определение внешнеэкономической и, как ее разновидности, внешнеторговой: сделки «Под внешнеэкономическими договорами (сделками), - пишет он, - следует понимать договоры, совершаемые национальными организациями с иностранными контрагентами в процессе осуществления внешней торговли и иных видов внешнеэкономической деятельности».

По определению С.Хамраева, «внешнеэкономическими являются такие сделки, когда одна из сторон является иностранным физическим или юридическим лицом, в целях вывоза или ввоза товара, при этом используют в качестве оплаты иностранную валюту или единую валюту».

«Принципы международных коммерческих договоров», разработанные Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА), устанавливают общие нормы, предназначенные в основном для международных коммерческих договоров. Международный характер договора может быть определен многими различными способами. Решение этого вопроса, содержащееся как в национальном законодательстве, так и в международных документах, зависит от местонахождения предприятия или обычного местопребывания сторон в различных странах. Учитывается и то, что в данном случае договор имеет существенные связи с более чем одним государством, предполагает выбор между правом различных государств, либо затрагивает интересы международной торговли.

Понятие «международного договора» должно толковаться по возможности широко с тем, чтобы в результате исключить те ситуации, в которых иностранный элемент вообще отсутствует, т.е. когда все имеющие хоть какое-то значение элементы данного договора связаны только с одной страной.

Согласно ст. 1.1 «Принципов», стороны «свободны вступать в договор и определять его содержание». Принцип свободы договора имеет огромное значение в контексте международной торговли.

Право предпринимателей свободно решать, кому предлагать свои товары или услуги и кто будет их поставщиком; возможность свободно согласовывать условия отдельных сделок является фундаментом рыночно ориентированного и конкурентного международного экономического порядка.

Ст. 1.2 «Принципов», определяя форму договора, не устанавливает никаких требований о том, что договор должен быть заключен или подтвержден в письменной форме. Его существование может быть доказано любым способом, включая свидетельские показания.

Подводя итоги, следует отметить, что институт договорного права как отрасли гражданского права имеет и такой важный компонент, как договор во внешнеэкономической сфере, и динамичность рыночных отношений, расширение рынка, создание транснациональных корпораций требуют эффективной унификации норм, регулирующих внешнеэкономические и внешнеторговые отношения.

Участие в экономическом обороте субъектов различных форм собственности, учет и оценка их встречных интересов служат необходимым критерием определения природы этих отношений и, соответственно, форм их правового регулирования.

Отношения, которые складываются на основе волеизъявления сторон с учетом удовлетворения их встречных интересов, по своей природе носят гражданско-правовой характер, а договор является одной из важнейших форм гражданско-правового регулирования имущественных отношений в условиях рыночной экономики.

Таким образом, сущность договора во внешнеэкономическом обороте - регулирование свободного обмена товарами и услугами, которые перемещаются между государствами и опосредованы нормами национального и инкорпорированного международного частного права.

Л.Ф. Кашинская,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Реальностью развития современных государств стала их международно-правовая зависимость. Право национальной безопасности, формируемое государством, невозможно без такой отрасли международного права как право международной безопасности. В отличие от других эта отрасль относительно новая и ее формирование и функционирование порождены объективной необходимостью сотрудничества государств в вопросах обеспечения мира.

Национальная самобытность - это наличие у страны своего лица в мировом сообществе, свобода выбора путей развития, проявления национальной независимости. Однако национальная независимость не имеет ничего общего с автаркией, национальной ограниченностью в вопросах определения и продвижения на мировой арене своих жизненно важных интересов. Тем более противопоказан для семьи народов национальный эгоизм. Поэтому лишь такая национальная независимость приносит безопасность стране, которая объективно связывается с международной безопасностью. Более того, преодоление кризиса цивилизации требует сохранения того целого, в рамках которого вообще можно говорить о национальной безопасности. Таким образом, национальная безопасность выступает как единичная форма реализации международной безопасности. При таком взгляде на проблему национальной независимости преодолевается мнимая самостоятельность национальных интересов по отношению к общечеловеческим и обеспечивается понимание того, что изолированная национальная безопасность является абстракцией, ущербным и односторонним восприятием действительности, имеющей лишь одну конкретную форму – международная безопасность.

Международная безопасность не может быть результатом изначально независимых систем национальной безопасности. С самого начала национальная безопасность определяется не сама по себе, а как *элемент* системы международной безопасности, как ее отдельный случай. Только в этой системе может быть дана объективная оценка безопасности отдельной страны, ее роли в поддержании всеобщего мира, того, чем она фактически является в человеческой семье: объектом посягательства или агрессором, гарантом всеобщего мира или пассивным созерцателем, выразителем общечеловеческих интересов или страдающей от собственного эгоизма нацией. Национальная независимость - это не гордое одиночество страны на мировой арене со своей «особой позицией», а конструктивное участие вместе с другими странами в построении системы международной безопасности.

Право международной безопасности наиболее активно стало развиваться после второй мировой войны, когда, несмотря на противостояние двух миров (а может быть благодаря этому) был принят ряд взаимосвязанных многосторонних и двусторонних договоров. В разных учебниках по международному праву они классифицируются на несколько групп:

договора, ограничивающие гонку ядерного вооружения;

договора, ограничивающие наращивание вооружения в количественном и качественном отношениях;

договора, запрещающие производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение;

договора, рассчитанные на предотвращение случайного возникновения войны;

договора (соглашения), регламентирующие меры коллективной безопасности[1].

В других источниках содержится другая классификация:

- договора, регулирующие международную безопасность (Устав ООН);
- международные договора международного гуманитарного права, регулирующие международные и немеждународные вооруженные конфликты (четыре Женевские конвенции 1949 г., включающие два Дополнительных протокола 1977 г.);
- международные договора, касающиеся различных типов вооружения;
- договор противоракетной обороны, ограничения стратегических вооружений. Договор Тлателолко 1967 г. т.д.;
- международные договора по созданию региональных организаций, регулирующих вопросы безопасности (Хартия организации американских государств, Договор Европейского союза, Заключительный акт СБСЕ/ОБСЕ, Конституциональный Акт Африканского союза);
- региональные соглашения о военном сотрудничестве и взаимной обороне (Договор НАТО, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, межамериканский договор о взаимной помощи);
- двухсторонние соглашения и договора о дружбе и сотрудничестве и взаимной военной помощи[2].

Каждая класификация отражает позицию и взгляд авторов на право международной безопасности и приоритеты в этой сфере.

Современные реалии мира принесли нечто новое в объект правового регулирования этой отрасли международного права. Опасность конфликтов между государствами не исчезла, но все более серьезной угрозой безопасности становятся внутригосударственные конфликты, порождаемые межнациональными, межрегиональными противоречиями и столкновениями, а также глобальные проблемы человечества. Это вносит свои особенности в сам механизм правового регулирования этой сферы, усложняя его и порождая новые задачи, проблемы и решения.

Одна из главных тенденций в механизме правового регулирования

[1] Международное право. Учебник для вузов. Под. ред. Г.В. Игнатенко и О.И.Тиунова. М. Наука. 1999. С.432- 433.

[2] Parlamentary oversight of the security sector Principles, mechanisms and practices. Geneva, 2003. P. 33, 16 –17.

сферы безопасности - усиление взаимодействия национального и международного права, активизация правовых процессов в рамках международных организаций и мер коллективной безопасности.

Право международной безопасности, опираясь на общие принципы современного международного права, важнейшими из которых являются неприменение силы или угрозы силой, мирное разрешение споров, территориальная целостность и нерушимость границ, невмешательство во внутренние дела, имеет и ряд отраслевых принципов: равенства и одинаковой безопасности; не нанесения ущерба безопасности государств.

Другая особенность состоит в том, что принципы и нормы в процессе регулирования международных отношений тесно переплетаются с принципами и нормами других отраслей международного права, образуя вторичную правовую структуру, которая по существу обслуживает всю систему современного международного права. Такой процесс дает основание специалистам утверждать, что право международной безопасности является комплексной отраслью международного права[1], что вытекает из главных целей ООН, закрепленных в Уставе ООН (гл.1, VI, VII), где регламентируются международно-правовые способы и средства обеспечения мира и безопасности. С учетом этих особенностей теоретики дают определение - *Право международной безопасности представляет систему принципов и норм, регулирующих военно-политические отношения государств и других субъектов международного права в целях предотвращения применения военной силы в международных отношениях, ограничения и сокращения вооружений.*

Международному праву известен обширный арсенал конкретных средств обеспечения международной безопасности, которые представляют совокупность правовых и иных методов, направленных на сохранение мира и предотвращение вооруженных конфликтов и применяемых государствами индивидуально или коллективно. Это мирные средства разрешения споров, разоружение, меры по предотвращению ядерной войны и внезапного нападения, коллективная безопасность, неприсоединение и нейтралитет, меры по пресечению актов агрессии, самооборона, нейтрализация и демилитаризация отдельных территорий, ликвидация иностранных военных баз и др.

Все эти средства являются международно-правовыми, они регламентированы договорами и проводятся в жизнь на основе принципов и норм современного международного права[2].

Одна из главных особенностей современных международных отношений, признаваемая всеми исследователями, состоит в анархичности международной среды. Это, прежде всего, связано с нерешенностью проблем международной безопасности[3].

Дальнейшее развитие права международной безопасности зависит от основных теоретических парадигм в ее понимании. Изменение современных реалий, глобализация мирового развития оказывают серьезное влияние на международную безопасность.

Классический подход к пониманию безопасности в международных отношениях – это стратегия, направленная на обеспечение жизненно важных интересов государства - нации. Главным средством достижения защиты национальной безопасности в традиционных подходах признается сила (в ее военно-политическом измерении), а главным инструментом, гарантирующим международную безопасность, - баланс сил. Еще одна особенность традиционного понимания безопасности состоит в том, что она носит, прежде всего, охранительный характер: безопасность рассматривается как не угрожаемое состояние. По данным некоторых исследователей, недооценка такого аспекта безопасности как способность государства-нации обеспечить выживание и развитие, то есть недооценка «жизнеобеспечивающего» аспекта безопасности, привела в свое время СССР к самым серьезным последствиям[1]. Традиционные концепции международной безопасности лежали в основе построения структур безопасности при противоборстве между Востоком и Западом, проявляясь в постоянном наращивании и качественном совершенствовании военной силы, а также в особом внимании к стратегии ядерного сдерживания.

К концу холодной войны получили широкое распространение новые представления о безопасности, основанные на неделимости и взаимной безопасности. Разрабатывается понимание безопасности на основе либеральных ценностей. Один из центральных моментов этого подхода - идея о международном сотрудничестве, основанном на универсальных ценностях и общечеловеческих интересах. С таких позиций угрозу безопасности представляют те участники международных отношений, которые отказываются от сотрудничества, нарушают общепринятые моральные и правовые нормы. Главными понятиями либерального подхода являются всеобщее разоружение и коллективная безопасность - единственный путь для преодоления дилеммы безопасности, который проходит через создание и укрепление международных институтов, дальнейшее совершенствование международного права, соблюдение общепринятых норм нравственности. Понятие коллективной безопасности, получившее политический статус еще во времена Лиги Нации, с 1970-х годов привлекает внимание как исследователей, так и практиков, занятых разработкой и осуществлением стратегии международной безопасности (ООН, ОБСЕ, НАТО).

В эти же годы появляются понятия «общей безопасности» (common security) как противоположности стратегии сдерживания, всеобъемлющей безопасности (comprehensive security), которые рассматриваются как альтернатива национальной безопасности и более широкая основа для сотрудничества в условиях стабилизации международной системы.

Всеобъемлющая и всеобщая безопасность - явления многомерные и заключают в себе не только разрешение политических и дипломатические споров, но и учитывают такие факторы, как слаборазвитая экономи-

[1] Там же. С. 432.

[2] Международное право. Учебник для вузов. Под ред. Г.В.Игнатенко и О.И. Тиунова. М., 1999. С. 433 –434.

[3] Тикнер Э. Переосмысливая проблемы безопасности. Теория международных отношений. 2002. М. Сборник статей. С. 185 –206.

[1] Косолапов Н.А. Национальная безопасность в меняющемся мире. Мировая экономика и международные отношения. 1992. №10.

ка, торговые противоречия, неконтролируемые перемещения населения, состояние экологии, наркобизнес, терроризм и права человека.

Однако основным, имеющим международно-правовую базу, остается понятие коллективной безопасности, смысл которой в том, что все члены определенного сообщества безопасности отказываются от применения силы в отношениях друг с другом и соглашаются оказывать помощь любому государству – участнику, которое подверглось нападению со стороны иного государства данного сообщества.

Система коллективной безопасности, предусмотренная Уставом ООН, охватывает целый комплекс мер, позволяющий поддерживать международную безопасность на определенном уровне[1].

Вместе с тем система коллективной безопасности, созданная под эгидой ООН, сталкивается с рядом трудностей, в которых исследователи выделяют пять групп проблем: моральные, юридические, институциональные, системные и ситуационные[2].

Под юридическими проблемами понимаются реальные полномочия Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, выполнение всеми государствами норм и принципов ООН, эффективность деятельности Международного Суда. Появление на политической карте мира новых независимых наций-государств, интенсификация международных контактов, усиление роли в мировой политике субъектов федеративных государств, транснациональных корпораций, наднациональных и межнациональных организаций привело к изменению среды международной безопасности и породило новые глобальные угрозы.

В условиях взаимозависимости стирается грань между внутренними и внешними, между государственными и общественными интересами. Внутренняя и внешняя политика становятся тесно связанными. Соответственно происходят изменения и в сфере безопасности. Как подчеркивается в Хартии Европейской безопасности, принятой в Стамбуле в 1999 г., «стало все более очевидно, что угрозы нашей безопасности могут быть следствием конфликтов как между государствами, так и внутри государств»[3].

Свою неприспособленность к новым реалиям обнаружили фактически все международные институты безопасности – ООН, ОБСЕ, НАТО. Несостоятельность в действиях ООН в ответ на новые требования в области безопасности связана с противоречием между провозглашаемыми в Уставе ООН правом на самоопределение и ценность неотъемлемых прав человека с одной стороны и незыблемостью принципа государственного суверенитета, сохранение целостности государств и нерушимости государственных границ - с другой.

Большая часть современных вызовов и угроз международной безопасности требует для своего решения совершенно новых, прежде всего невоенных подходов. Это относится не только к экономическим проблемам и проблемам деградации окружающей среды, но и к совместному поиску правового разрешения противоречий между стремлением к самоуправлению и сохранением целостности государств, между ростом сепаратизма и нерушимостью границ. Сегодня основные вызовы безопасности связаны с глобальным кризисом систем общественной и политической организации и идеологических устоев.

Одна из главных угроз международной безопасности связана с изменяющимся местом государств в составе участников международных отношений. Особую тревогу вызывает некомпетентность и неэффективность взаимодействий государств с новыми участниками международных отношений. В условиях глобализации всюду наблюдается снижение значимости роли государства. Государство как социальный институт стало терять свои сущностные признаки, то, что основные его функции связаны с накоплением общественного богатства путем установления эффективной экономической системы, создания в обществе единства интересов, ситуации компромисса и согласия, личной ответственности за всеобщее благо. Одной монополии на силовые функции сегодня недостаточно.

Ситуация обостряется и вследствие роста антигосударственных тенденций. Зачастую транснациональные электронные СМИ разрушают лояльность людей по отношению к своему государству. Дестабилизирующее влияние оказывают трансграничные переливы краткосрочных капиталов, действия международных финансовых спекулянтов. Теневая экономика подрывает хозяйственную деятельность государства как внутри общества, так и на международном уровне. К сожалению, преступники в своих действиях против государства договариваются быстрее и эффективнее, чем государственные деятели. Часто происходит симбиоз преступных групп с государственными структурами. Такие взаимопереплетающиеся структуры могут установить социальный контроль и распределение благ и, в ущерб государству, требуют лояльности к себе. География таких структур редко совпадает с государственными границами.

Формируются архаичные общности на племенной, этнической и религиозной основах. Это несет в себе угрозы сепаратизма, этнического и религиозного экстремизма. Нередко такие общности сращиваются с терроризмом, используя его способы для достижения своих целей. Создается угроза локальных войн и выхода вооруженных конфликтов на региональный уровень.

Другая группа угроз международной безопасности связана с нарастанием экономического разрыва и социальной разобщенности между странами, народами и социальными группами. Деятельность транснациональных корпораций сопровождается разрушением целых отраслей промышленности во всех регионах мира с такими последствиями, как безработица, неполная занятость - они охватывают сегодня около 1 млрд. человек. Реальным становится риск вытеснения бедных стран на обочину мирового развития. Возрастают тенденции миграции из бедных в богатые государства. Расширяется социальная почва для организованной преступности и политического насилия.

Следующая группа угроз международной безопасности является след-

[1] Устав ООН, ст.2,11, 26,47,40,41,42. Гл. 6, 8.

[2] Цыганков П.А. Теория международных отношений. М. 2002. С.324.

[3] Хартия Европейской безопасности. // http // www. Ng. ru /world/1999-11-23 / 6 hartia. Html.

ствием научно-технологической революции. Открытия в области генетики создают беспрецедентные возможности манипулирования жизнью и сознанием людей. Глобальная сеть Интернет становится основным каналом распространения информации, знаний, идей и товаров и способствует тому, что сознание людей выходит из-под влияния национальных политических и государственных институтов.

В целом для изменений в среде международной безопасности характерен рост невоенных угроз и трансформация структур безопасности. При относительном снижении веса и уменьшении значения военного и оборонительного компонентов происходит нарастание угроз жизнеобеспечению системы как на уровне государств, так и в глобальном масштабе.

Глобализация требует соответствующего мышления, подхода к миру как единому целому, что крайне необходимо для управления всеобщими проблемами и постоянного политического диалога по жизненно важным сферам общей безопасности и сотрудничества. Отсутствие желания к сотрудничеству, рост глобальной угрозы, развитие внутренней и внешней напряженности и конфликтных ситуаций могут подорвать и даже обратить вспять весь глобализационный процесс. Вот почему «поиск безопасности», понимаемой многоаспектно и всеобъемлюще, становится главной задачей.

Под многоаспектностью здесь подразумеваются безопасность отдельных лиц, стран, регионов и всего международного сообщества в ряде важных областей, в частности способность предупредить конфликты и управлять ими в случае необходимости; сохранение стабильности экосистемы, гарантированное снабжение продовольствием, топливом и сырьем; доступ к новым технологиям; институциональная надежность международного сотрудничества в самых разных условиях. Важным компонентом безопасности должна считаться также борьба с насилием и преступностью в международном масштабе.

Мировое сообщество должно осознать значительность высокоразвитых и эффективных форм глобального управления рисками и возможностями глобализации. Сегодня, однако, основным инструментом коллективных или многосторонних действий остаются существующие международные организации. Поэтому повышение их эффективности - крайне важное условие предупреждения коллапса глобальной системы и ее распада на неэффективные протекционистские структуры. Очевидна необходимость совершенствовать управление проблемами, порождаемыми самим глобализационным процессом, а также другими силами и факторами, действующими в эпоху после окончания «холодной войны».

С все большей очевидностью стала проявляться недостаточность имеющегося в международно-правовой науке теоретического багажа для осмысления проблем международной безопасности. Возникла необходимость в новых концепциях, которые позволили бы не только осмыслить меняющиеся реалии, но и могли бы выполнять роль инструментов влияния на международные отношения.

И. Насриев,
юридик фанлар номзоди

ЎЗБЕКИСТОНДА МУАЛЛИФЛИК ҲУҚУҚЛАРИГА ОИД ҚОНУНЛАРНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШДА ХАЛҚАРО КОНВЕНЦИЯЛАРНИНГ АҲАМИЯТИ

Мустақил Ўзбекистон дунё ҳамжамияти билан нафақат иқтисодий, балки илмий-маданий ҳамкорликни ҳам кенг йўлга қўймоқда. Бу соҳадаги фаолиятни янада кенгайтириш ва ўзаро фойдалилик даражасини ошириш учун Ўзбекистон Республикаси ўз қонунларини халқаро андозалар асосида ва ривожланган мамлакатлар тажрибасидан фойдаланиб, қайта шакллантирмоғи на такомиллаштирмоғи лозим бўлади. Бугунги кунда Ўзбекистон Республикасида мулкчилик, тадбиркорлик муносабатларини тартибга солувчи, шунингдек саноат мулки ҳуқуқий ҳолатини белгиловчи қонунларни юқоридаги талабларга мослаштиришга эришилди. Энди навбатдаги вазифа муаллифлик ҳуқуқи бўйича қонунларни ҳам халқаро андозалар асосида шакллантиришдан иборат. Бироқ, бу борада қилиниши лозим бўлган ишлар талайгина. Жумладан, Ўзбекистон Республикаси бу борадаги Конвенцияларга аъзо бўлиб кириши муҳ-им қадам эканлигини алоҳида таъкидлаб ўтмоқ керак.

Адабий ва бадиий асарларни муҳофаза қилиш бўйича Берн Конвенцияси 1886 йил 9 сентябрда тузилган бўлиб[1], шу вақтдан бери бир неча марта қайта кўриб чиқилган. Энг охирги қайта кўриб чиқиш 1971 йилда (Париж ҳужжати) амалга оширилган. Ушбу Конвенцияни тузишдан асосий мақсад йирик ноширлик компаниялари ва фирмаларининг манфаатини кўзлаш эди[2].

Берн Конвенцияси икки тоифадаги нормаларни кўзда тутади. Конвенция бир томондан миллий режимларнинг ассимиляцияси (ўзаро мувофиқлиги) тамойилини белгиловчи қоидаларни назарда тутса, иккинчи томондан ҳуқуқларни минимал даражада ҳимоя қилишни таъминловчи конвенциявий меъёрларни кўзда тутади. Конвенцияни миллий режим ассимиляцияси тамойилига асосан, Конвенция иштирокчилари бўлган барча мамлакатлар фуқаролари ўз асарларига муаллифлик ҳуқуқи бўйича ҳар бир мамлакатнинг фуқаролари бўлган муаллифлар қайси режимдан фойдаланса, худди шу режимдан фойдаланмоқлари лозим. Шундай қилиб, муаллифлар бир томондан тегишли мамлакат миллий режимидан фойдаланишга, иккинчи томондан эса Конвенция ҳуқуқи (Конвенция томонидан махсус берилган ҳуқуқлар)дан фойдаланишга ҳақли. Берн Конвенциясига аъзо бўлган мамлкатларнинг фу-

[1] Бернская Конвенция об охране литературных и художественных произведений. Парижский акт от 24.07.71 г., измененный 02.10.79 г. ВОИС, Женева, 1990 г.

[2] Дилленц В. Авторское право: прошлое и настоящее. Что дальше?, М.: «Юридическая литература», 1998. 15-бет.

қаролари асарлари эълон қилинган-қилинмаганлигидан қатъи назар муҳофаза остига олинади. Асар мабодо эълон қилинган бўлса, у ҳолда Берн иттифоқига кирувчи қайси мамлакатда эълон қилинганлик факти аҳамиятга эга эмас. Агарда муаллиф Берн иттифоқи мамлакатларининг фуқароси бўлиб ҳисобланмаса, у ҳолда унинг асари Иттифоққа кирувчи мамлакатлардан бирида биринчи марта эълон қилинган ҳолдагина муҳофаза қилинади. Конвенция бўйича Берн иттифоқига кирган мамлакатларнинг фуқаролари бўлмаган муаллифларнинг чиқарилган асарлари Конвенция билан қўриқланмайди. Конвенцияда чиқарилган асар тушунчаси ўзига хос талқин қилинади. Бунга асосан, асар нусхаларини тайёрлаш усулидан қатъий назар, муаллифиниг розилиги билан чиқарилган асар, агарда асар характеридан келиб чиқиб, омманинг оқилона эҳтиёжларини қондиришга лаёқатли бўлса, чиқарилган ҳисобланади. Мусиқий-драматик ёки кинематографик асарларни кўрсатиш, мусиқий асарларни ижро этиш, адабий асарларни ошкора-оммавий ўқиш, адабий ва бадиий асарларни фазо орқали ёки симлар орқали узатиш, санъат асарларини ёки меъморчилик асарларини намойиш қилиш асарни чиқариш ҳисобланмайди. Шундай қилиб, Конвенцияси асарни чиқариш тушунчасини анча тор маънода талқин этади. Берн Конвенцияси бўйича, шунингдек асар яратилган мамлакат бўлиб қуйидагилар ҳисобланади:

а) агарда асар Берн иттифоқига кирувчи мамлакатларда эълон қилинган бўлса, ўша мамлакат;

б) агарда асар бир вақтнинг ўзида Берн иттифоқига кирган мамлакатда, шунингдек кирмаган мамлакатда эълон қилинган бўлса, Берн иттифоқига кирган мамлакат;

в) агарда асар Берн иттифоқига кирмаган мамлакатда ижод қилинган, бироқ чиқарилмаган ёки биринчи марта чиқарилган бўлиб, муаллиф Берн иттифоқига кирган мамлакатнинг фуқароси бўлса, Берн иттифоқига кирган мамлакат.

Халқаро Берн Конвенцияси бўйича муаллиф ҳуқуқлари маънавий ва мулкий ҳуқуқларга бўлинади. Конвенциянинг 6-bis- моддасига биноан, маънавий ҳуқуқлари қуйидагича баён қилинади: «Муаллиф мулкий ҳуқуқларидан қатъи назар ва хатто бу ҳуқуқлар бошқа бировга ўтказилгадан кейин ҳам муаллиф асарга нисбатан ўзининг муаллифлигини тан олинишини талаб қилишга ва бу асарни ҳар қандай бузиш, путур етказиш ёки бошқача ўзгартиришга, шунингдек муаллифнинг шаъни ва нуфузига асар орқали путур етказиш мумкии бўлган ҳар қандай бошқа тажовузларга қарши туришга ҳақли». Муаллифнинг тан олинган ҳуқуқлари муаллиф вафотидан кейии энг камида унинг мулкий ҳуқуқлари амалда бўлган давргача ўз кучини сақлайди ва бунда қайси давлатнинг қонуни қўлланилаётган бўлса, ўша давлат томонидан ваколат берилган шахслар ёки муассасалар томонидан амалга оширилади. Агарда ушбу ҳужжат ратификация қилинаётган ёки унга қўшилган вақтда мамлакат қонунларида муаллифнинг юқорида кўрсагилгаи барча ҳуқуқлари унинг вафотидан кейин муҳофаза этилувчи қоидалар кўзда тутилмагаи бўлса, бу ҳуқуқлардан баъзилари муаллиф вафотидан кейин амалда бўлмаслигини кўзда тутишлари мумкин. Бу ҳуқуқлари муҳофаза этилишини таъминлаш ҳимояни талаб этаётган мамлакат қонунлари билан тартибга солинади. Мулкий ҳуқуқларга келганда Конвенция муаллифлар фойдасига мутлақ ҳуқуқ принципини мустаҳкамлайди. Бошқача айтганда асардан фойдаланишда муаллифнинг монополиясини ўрнатади. Баъзи ҳолларда Конвенция мутлақ ҳуқуқлари режимини

конуний лицензиялар билан алмаштириш мумкинлигини кўзда тутади. Бироқ, бу қатъий белгиланган доирада амалга оширилиши ва энг асосийси, муаллифни номулкий ҳуқуқларига, шунингдек унга тегишли бўлган адолатли ҳақ олиш ҳуқуқига ҳеч қандай путур етказилмаслиги лозим.

1971 йилда Париж конференциясида Конвенцияга ривожланаётган мамлакатлар учун баъзи имтиёзларни кўзда тутувчи қўшимча бўлим киритилди. Конвенция бўйича ривожланган мамлакат деб тан олинишда БМТ Бош Ассамблеясида белгиланган тажриба қўлланилади. Ривожланган мамлакатлар учун асарлардан фойдаланишга қонуний лицензиялар бериш йўли билан эришилади. Қонуний лицензия фақат чиқарилган асарларга нисбатан қўлланилади.Қонуний лицензиялар мактабларда, университетларда ва тадқиқот мақсадларида фойдаланиш доираси билан чекланади. Муаллифларнинг маънавий ҳуқуқларини ҳимоя қилиш мақсадида асар муаллиф томонидан қайтариб олинган бўлса, бундай асарларга нисбатан лицензиялар бериш тақиқланади.

Қонуний лицензия асар биринчи бўлиб чиқарилгандан сўнг 3 йил вақт ўтгандан кейин берилади. Бунда ушбу мамлакатда кўпчилик аҳоли томонидан қўлланиладиган тилда ўгирилган таржима чиқарилмаган бўлиши керак. Агар «иттифоққа аъзо бўлиб кирган ривожланган мамлакатларниг бирида ёки бир нечтасида кўпчилик аҳоли томонидан қўлланиладиган» тилда қилинган таржима мавжуд бўлса мазкур 3 йиллик муддат бир йилга қисқартирилиши мумкин.

Конвенциянинг 3-моддаси қайта акс этириш учун қонуний лицензиялар бериш тизимини белгилайди. Бу қонуний лицензиялар таржимага нисбатан бериладиган лицензиялар тизимга ўхшашдир. Лекин айни вақтда унинг режими ўз хусусиятларига ҳам эга. Бундай лицензиларни бериш ўқув мақсадлари доираси билан чегараланмай, балки қўлланилиш соҳалари кенг омманинг эҳтиёжларини қаноатлантиришга қаратилгандир.

Лицензиялар ўз мақсадига қараб қуйидагича фарқланади: улар мактаблар ва университетларда таълим бериш мақсадларида ва кенг омма эҳтиёжларини қондириш учун фойдаланилиши мумкин.

Биринчи ҳолатда асар эълон қилиниб, биринчи марта чиқарилган вақтдан бошлаб камида 5 йиллик муддат давомида ўша мамлакат учун одатда белгиланган нархлар бўйича сотилиб бўлинган бўлиши керак. Иккинчи ҳолатда эса, ўша мамлакат учун белгиланган нархларда асар сотилиб бўлинган бўлшини лозим.

Аммо беш йиллик муддат ўтгандан кейин олти ой мобайнида бу асар оммавий равишда сотувга чиқарилмаслиги ёки ундан тизимли таълим билан боғлиқ мақсадларда фойдаланилмаслиги лозим.

Табиий ва аниқ фанлар, шунингдек техникага оид асарлар учун беш йиллик муддат уч ойга қадар қисқартирилади. Аксинча, бадиий, поэтик, драмали ва мусиқа асарлари учун муддат етти йилга узайтирилади.

Агар шу йўл билан сотувга чиқарилган асар мазкур мамлакат эҳтиёжини қондирса, лицензиянинг амал қилиш муддати тугайди ва у ўртача баҳода сотилади.

1952 йилда Женевада ЮНЕСКО ҳомийлигида унинг ташаббуси билан муаллифлик ҳуқуқи ҳақидаги умумжаҳон Женева Конвенцияси ишлаб чиқилди. Мазкур Конвенция 1955 йил 16 сентябрдан кучга кирди[1]. Конвенция биринчи

[1] Всемирная Конвенция об авторском праве подписанная в Женеве 6 сентября 1952 г. Гаврилов Э.П. Издательство и автор: вопросы и ответы по авторскому праву. М.: Книга, 1991. 237-244-бетлар

маротаба 1955 йил 16 октябрда Франция давлати томонидан ратификация қилинди.

Конвенция кўп томонлама шартнома ҳисобланиб, у билаи боғлиқ мамлакатлар сони Конвенцияга кирган ёхуд ундан чиққан давлатлар ҳисобига ўзгариб туради.

Умумжаҳон Конвенция 21-моддадан иборат бўлиб, унинг мақсади мутлақо мавжуд бўлган шартномаларни янги ҳалқаро битим билан алмаштириш эмас, балки турли давлатлар учун муаллифлик ҳуқуқларни ҳимоя қилиш борасида умумий бир йўл топиш, жумладан ҳеч бир халқаро конвенцияга қўшилмаган мамлакатлар учун ҳам мақбул бўладиган тизимни яратиш эди, қолаверса асосий мақсад Берн Конвенциясига қўшилмаган мамлакатларни жалб этиш эди.

Юқорида қайд этилган ҳол унинг таъсисчилари томонидан унча қаттиқ бўлмаган қоидаларни ишлаб чиқишни талаб қилди, бу эса ўз навбатида айрим давлатларнинг Женева Конвенциясига қўшилиш учун Берн Конвенциясидан чиқиб кетиш ҳавфини туғдирди. Бундай ҳолга йўл қўймаслик учун Конвенцияни ташкил этувчилар икки томонлама эҳтиёт чорасини кўрдилар. Биринчи томондан Берн Конвенцияси қатнашчилари бўлган давлатлар орасидаги муносабатларда яна шу Берн Конвенцияси амал қилар эди. Иккинчи томондан Женева Конвенциясининг моддаларидан бирида Берн Конвенциясига аъзо давлатларнинг Женева Конвенциясига кириши учун ундан чиқишни тақиқловчи «ҳимоя» ҳам бор эди.

Умуман олганда, Женева Конвенциясининг асосий мақсади шундай тамойилни қарор топтириш эдики, бунга кўра, Конвенция қатнашчиси бўлган ҳар бир мамлакат бошқа мамлакатларда яратилган адабий-бадиий асарларни ўз мамлакатида яратилган бадиий асарлар бир хил ҳимоя қилинишини таъминлайди. Шу йўсинда бу қоида Конвенцияга кўра ва миллий қонунларга кўра ҳимоя қилинадиган асарларнинг ассимиляция тамойилини мустаҳкамлайди.

Миллий режим тамойили (ассимиляция) Женева Конвенциясида ҳам худди Берн Конвенцияси сингари чиқарилган ва чиқарилмаган асарларни фарқлашга имконият беради. аммо «асарни чиқариш» тушунчаси бу икки Конвенцияда икки хил изоҳланади.

«Асар чиқариш» тушунчасининг Женева Конвенцияси бўйича талқини шундан иборатки, Конвенциянинг VI моддасига кўра «чиқарилган» деганда ушбу Конвенция бўйича асарнинг қандайдир моддий шаклда яратилиши ва номуайян шахслар доирасига асар нусхаларини ўқиш учун ёки кўриш йўли билан танишиш учун тақдим этиш назарда тутилади. Бу ўринда товуш ёзиб олишнинг қайд этилмаганлиги кишини таажжубга солади. Ҳақиқатан ҳам мусиқа асари билан унинг партитурасини кўриш орқали танишиш мумкин ва бу «чиқарилганлик'' тушунчасини юқоридаги таърифига мос келади, бу партитурани пластинкага ёзиш эса мазкур таърифда қайд этилмаган.

Конвенцияда нашр этилмаган асарларга нисбатан миллий режим шундан иборатки, муаллифларнинг чиқарилмаган асарларининг конвенция қатнашчиси бўлган мамлакат фуқаролари бўлган муаллифларнинг худди шундай асарларига ассимиляцияси II-модданинг 2- бандиига мувофиқ таъмин этилади.

Бу бандда «шартнома тузган давлатлар фуқароларининг чиқарилмаган асарлари ҳар бир шартномада қатнашган давлатда ўз фуқароларининг чиқарилмаган асарларига берилган ҳимоя ҳуқуқларидан фойдаланади», дейилади.

Бошқа томондан II модданинг 3-бандида «шартномада қатнашаётган ҳар бир давлат ўз ички қонунчилиги тартиби бўйича шу давлат ўз ички шахсларни ўз фуқароларига тенглаштириш мумкин», дейилади. Бироқ режимларнинг тенглаштирилиши факультатив табиатга эгадир.

Нашр этилган асарларга нисбатан миллий режим тўғрисида гап кетар экан, Конвенциянинг II моддасининг 1-бандига мувофиқ, шартномада қатнашувчи давлатларнинг ҳар қандай фуқаросини чиқарилган асарлари шундай давлат ҳудудида биринчи марта чиқарилган асарлар сингари, шартномада қатнашувчи ҳар бир давлатда шу давлат ўз фуқароларининг ўз ҳудудида биринчи марта чиқарилган асарларига нисбатан бериладиган ҳимоя ҳуқуқидан фойдаланади.

Ушбу қоида мустаҳкамлаб қўйилган миллий режим тамойли тўлиқ ва аниқ бўлиб, унда режимнинг ўзи сингари ундан фойдаланувчилар ҳам аниқ кўрсатилган.

Асардан фойдаланувчилар II моддасининг 1-бандига биноан, шартнома тузган мамлакат фуқароларининг биринчи марта чиқарилган асарлари бошқа барча Конвенция қатнашчилари бўлган давлатларда, уларнинг ҳудудларида нашр қилинган-қилинмаганлигидан қатъи назар ҳимоя ҳуқуқидан фойдаланадилар. Шу ўринда шундай савол туғилиши мумкин. Конвенция қатнашчилари бўлган давлатлар унинг қоидаларини ўз фуқароларидан биринг биринчи марта шартнома қатнашчиси бўлган бошқа бир давлатда чиқарилган асарига нисбатан қўллаши керакми ёки йўқми? Айрим назариётчилар фақат миллий қонунчиликни қўллаш лозим деб ҳисоблайдилар. Бошқалари эса фақат Конвенция қоидаларини қўллаш тарафдорларидирлар.

Иккиичи томондан, Конвенция қатнашчилари бўлган давлат фуқароси бўлмаган муаллифларнинг биринчи марта шундай давлатлар ҳудудида нашр қилинган асарлари Конвенция томонидан Конвенция қатнашчиси бўлган давлат ҳудудида нашр этилган асарларга нисбатан, агар муаллиф шартномада қатнашувчи давлатлардан бирининг фуқароси бўлмаса, қўлланилмайди.

Конвенция қатнашчиси бўлган давлат Конвенция қоидаларини Конвенция қатнашчиси бўлмаган давлатларнинг фуқаролари бўлган муаллифларнинг асарларига нисбаган, агар уларнинг асарлари биринчи марта унинг ҳудудида нашр этилган бўлсагина қўллаш мумкин. Конвенция қатнашчиси бўлган давлат ва бошқа бир давлат ҳудудида бир пайтда, бир кунда амалга оширилган нашр Конвенция талабига мувофиқ бир вақтда чиқарилган ҳисобланади. IV модданинг 6-банди бу хусусда шундай аниқлик киритади: «ҳар қандай асар агар икки ва ундан ортиқ мамлакатда биринчи марта чиқарилишидан кейин ўтган 30 кун давомида чиққан бўлса, бир пайтда нашр этилган ҳисобланади».

Конвенцион ҳуқуқ мазмуни шундан иборатки, Конвенциянинг 1-моддасига мувофиқ «шартномада қатнашувчи ҳар бир давлат муаллифларнинг ва адабий, бадиий, илмий асарларга жумладан ёзма, мусиқали, драматик ва кинематография, тасвирий санъат асарлари, графика ва ҳайкалтарошлик асарларига нисбатан муаллифлик ҳуқуқига эга бўлган шахсларнинг ҳуқуқларини етарли ва самарали ҳимоясини таъминлаш учун зарур бўлган ҳамма чораларини кўриш мажбуриятини олади».

Конвенциянинг V моддасида айтиладики, муаллифлик ҳуқуқи муаллифнинг таржимага, таржималарни чиқаришга ва таржима қилишга рухсат чиқариш, таржимага рухсат бериш, этишга бўлган ва ушбу Конвенцияга биноан ҳимоя қилинадиган мустасно ҳуқуқини ўз ичига олади. Шундай қилиб, бу норма муаллифга таржима қилиш,

асарларини таржималарини чиқариш каби Конвенция томонидан ҳимоя қилинадиган мустасно ҳуқуқларни, яъни IV моддадаги таърифга кўра, қандандир моддий шаклда чиқариш ва номуайян шахслар доирасига ўқиш учун нусхаларни тақдим қилиш каби ҳуқуқларни берса ҳам, унда таржимани тарқатишнинг бошқа усуллари, жумладан товушни ёзиб олиш, эфирга бериш, омма орасида кўрсатиш, оммавий ўқиш кабилар кўрсатилмаган. Шу билан бирга миллий режим тамойили фойдаланишнинг бу усулларини одатдаги йўллар билан тартибга солади, деб таҳлил қилиш мумкин бўлар эди.

Конвенциянинг V моддаси мажбурий лицензия режимини белгилаган бир ҳолда давлат ўзининг ички қонунчилиги билан таржимага бўлган ҳуқуқини чеклаб қўйиши мумкин.

Лицензия шартномада қатнашган давлатларининг ҳар қандай фуқароси томонидан талаб қилиб олиниши мумкин. Бунда чет элликлар, ҳатто, агар улар мазкур давлатда доимий яшаш жойига эга бўлсалар ҳам истисно қилинади. Мазкур давлат қонунчилиги ўз ҳудудида доимий яшовчи шахсларга нисбатан миллий режимни қўллайдиган ҳолар бундан мустасно, албатта.

Лицензия «агар қандайдир ёзма асар биринчи чиқарилишидан кейин ўтган 7 йил ичида унинг таржимаси таржима ҳуқуқига эга киши томонидан ёки унинг рухсати билан чиқарилмаган бўлса», берилади.

Лицензиянинг берилиши бир қатор шартларга риоя қилиниши билан боғлиқдир:

1) энг аввало бу ёзма асар бўлиши керак;

2) бу ёзма асар II моддаги мувофиқ, чиқарилган бўлиши, яъни номуайян шахслар доирасига ўқиш учун ёки кириш учун нусха шаклида тақдим этилган бўлиши керак;

3) чет тилидаги ёзма асар учун лицензия унинг биринчи чиқарилишидан 7 йил утгандан сўнг берилиши мумкин.

Конвенцияда асар муаллифларини шахсий ҳуқуқлари унинг V моддаси 2-бандида мустаҳкамланган бўлиб, унга мувофик, лицензия берадиган мамлакат қонунчилиги таржима ҳуқуқига эга бўлган шахсга халқаро амалиётга[1] мос адолатли ҳақ тўлаш таъмин этилишини кўзда тутган бўлиши керак.

Муаллифнинг шахсий номулкий ҳуқуқлари (маънавий ҳуқуқлари) тўғрисида сўз кетар экан, шуни таъкидлаш жоизки Конвенция маънавий ҳуқуқни бевосита кўзда тутмайди. Бироқ, бу бўйича ваколатларни муҳофаза этилишини тўла-тўкис таъминлайди. Масалан, муаллиф ўзининг қайта сотиб олиш ҳуқуқидан фойдаланиб, лицензия беришга тўсқинлик қилиши мумкин ёхуд асарни муомаладан қайтариб олиш ҳақида қарор қабул қилишга хақли. Бошқа томондан у таржимани асар оригиналида кўрсатилган исм билан чиқарилишини талаб қилишга ҳақли. Ниҳоят, лицензия сўраб мурожаат қилган давлатнинг ички қонунларида асарнинг тўғри таржима қилинишини таъминлаш чоралари кўрилган бўлиши лозим. Конвенцияда ривожланаётган мамлакатлар учун имтиёзли режим бўйича чоралар белгиланган. Конвенция бўйича ривожланаётган мамлакатлар тушунчаси Берн Конвенцияси билан деярли бир хил. Ривожланаётган мамлакат мезонларига мос келувчи ҳар бир давлат имтиёзли мақомдан фойдаланиши учун Конвенцияга қўшилиш ҳақидаги ҳужжатни депонлаштириш ёки Конвенциянинг депозитарияси (сақловчиси) бўлган ЮНЕСКО Бош директорини асарни таржима қилиш ва қайта акс эттиришга бўлган

[1] «Халқаро амалиёт» деганда қабул қилинган бир хил тадбирлар тушунилади.

ҳуқуқларга истиснолардан тўлиқ ёки қисман фойдаланиш нияти ҳақида хабардор қилиш лозим. Таржимага бўлган ҳуқуқ соҳасидаги имтиёзли режим бўйича 7 йиллик муддат 3 ойга кадар қисқартилиши мумкин. Конвенция аъзолари бўлган ривожланаётган мамлакатларда умумқўлланиладиган тилларда таржима бўлмаса, яна камайтирилиши мумкин. Берилган лицензия бўйича қатор шартлар қўйилади. Энг аввало лицензия мутлоқ характерга эга эмас ва мактабларда, дорилфунунларда ёки тадқиқот мақсадларида фойдаланиш доираси билан чегараланади. Бошқа томондан тайёрланган нусхаларни экспорт қилиш тақиқланади ва ниҳоят лицензия адолати ҳақ асосида берилади. Шуни алоҳида таъкидлаш жоизки, мажбурий лицензия фақат ёзма асарларга нисбатангина қўлланилади. Ёзма асар эса ўз ичига Конвенция бўйича мусиқий, драматик, графика, ҳайкалтарошлик каби асарларни олмайди. Бошқа томондан Конвенциядаги муаллифлик ҳуқуқларини барча шартлари ва кафолатлари, яъни асар оригинали муаллифни исми ва номи таржима нусхаларида айнан берилиши лозим. Таржимани айнан (адекват)лиги таъминланиши шарт. Муаллиф асарларини муомаладан қайтариб олган бўлса, лицензия берилмайди. Ниҳоят, агарда таржима қилинган асарга нисбатан лицензия сўралаётган бўлса, оралиқ таржимага нисбатан муаллифлик ҳуқуқининг соҳибидан ташқари асар оригинали муаллифининг рухсати ҳам шарт. Асарни қайта акс эттириш соҳасидаги имтиёзли режим Берн Конвенциясига ўхшашдир. Конвенция бўйича мутлоқ ҳуқуқлардан фойдаланиш муддати 5 йил қилиб белгиланган, 5 йилдан кейин эса аниқ фанлар шунингдек, технология асарлари бўйича 3 йилгача қисқартирилиши мумкин. Бадиий ижодиёт асарларига эса 7 йилга қадар узайтирилади. Ҳар иккала Конвенцияда ҳам асарларни муҳофаза қилиш муддатларига алоҳида эътибор берилади. Женева Конвенцияси бўйича асар муҳофазасининг минимал муддати белгиланади ва Конвенция аъзолари бўлган давлатлар бу муддатни узайтирмасликка ҳақлидилар. Конвенция бўйича, агарда Конвенция аъзолари бўлган мамлакатларда икки йил ёки ундан кўп муҳофаза муддатлари белгиланган бўлса, у ҳолда муҳофаза муддати ҳар иккала муддатни қўшилган даври мобайнида амал қилади. Бироқ, мазкур давлат муддатларини бирини у ёки бу сабабларга кўра қўлламаса, Конвенцияга аъзо бўлган бошқа давлатлар ҳам қўлламасликка ҳақли. Конвенцияда муддатларни таққослаш тамойили ҳам мустаҳкамланган. Бунга асосан, муҳофаза талаб этаётган мамлакат қонунида асар келиб чиққан мамлака қонунидагина нисбатан узоқроқ муддат белгиланган бўлса, иккинчи мамлакат асар келиб чиққан мамлакат қонунида кўзда тутилган узоқроқ, муддатга мутлоқ ҳуқуқ бермасликка ҳақли.

Берн Конвенциясида ҳам муддатларни таққослаш муаммоси мавжуд. Бу масалада 1907 йил Стокгольмда қайта кўриб чиқилганда узил-кесил аниқликлар киритилди. Бунга асосан, барча ҳолларда муаллифлик ҳуқуқларини муҳофаза қилиш муддатлари муҳофаза талаб қилаётган мамлакат қонуни билан белгиланади. Агарда бу мамлакат қонунида бошқача ҳол назарда тутилмаган бўлса, муҳофаза муддати асар келиб чиққан мамлакат қонунида белгиланган муддатдан узоқроқ давом этиши мумкии эмас. Энг асосий масала муаллифлик ҳуқуқи бўйича ҳеч қайси Халқаро Конвенцияларга қўшилмаган мамлакатларда асарларни муҳофаза қилиш ҳақидаги масаладир. Бундай ҳолатларда муҳофаза тўғрисидаги масалада асар ўзаро ҳимоя қилувчи шартларини бажарувчи бошқа мамлакатда яратил-

ган деб тахмин қилишдан келиб чиқади. Бу ҳолатни Р.Дюма шундай шарҳлайди: «Асар Францияда биринчи марта эълон қилинганда етарли ва самарали муҳофазадан фойдалангандек, асар яратилган мамлакатда ҳам шарт-шароитлар мавжудми деган масала текширилиши лозим. Агарда масала хорижий муаллифлар фойдасига ҳал бўлса, асар Францияда қандай муддатларда ҳимоя қилинади?». У француз суд амалиётини таҳим қилиб шундай фикрга келади: «1959 йилдаги суд қарорлари тўпламига кўра шундай хулосага келиш мумкин: Конвенциялар бўйича муҳофаза қилинмайдиган хорижий муаллифларнинг асарларини Францияда амал қилиш муддати бу асар келиб чиққан мамлакатда муҳофаза қилинмайдиган бўлса, у Францияда ҳам умумижтимоий неъматга айланади»[1].

Муаллифлик ҳуқуқи объектларининг муҳофаза муддатлари ҳар иккала Конвенциялар бўйича ҳам объектиларнинг турига қараб белгиланади. Бироқ, умумий муддат Женева Конвенцияси бўйча муаллиф вафотидан кейин келадиган йилнинг 1 январидан бошлаб 25 йил. Берн Конвенцияси бўйича эса 50 йил қилиб белгиланган. Баъзи мамлакатларда бу муддатларни узайтиришни кўзда тутувчи меъёрлар ҳам мавжуд.

Маълумки, собиқ СССР 1971 йилда Женева Конвенциясини ратификация қилган ва ўзининг амалдаги қонунларини унга мувофиқлаштирган эди. Бинобарин, Ўзбекистон Республикасининг ҳозирги амалдаги ФКнинг муаллифлик ҳуқуқи бўйича меъёрлари баъзи истиснолар эътиборга олинмаганда Женева Конвенцияси талабларига тўлиқ мувофиқдир. Бироқ, биз юқорида таъкидлаганимиздек, Женева Конвенцияси талаблари Берн Конвенцияси талабларига нисбатан анчагина юмшоқ.Бу Конвенцияда муаллифларнинг маънавий ва мулкий ҳуқуқларини бузганлик учун қаттиқ, санкциялар кўзда тутилмаган. Шу сабабли ҳам Берн Конвенциясига аъзо бўлган ривожланган мамлакатлар савдо-сотиқ ва илмий-маданий ҳамкорлик бўйича битимлар тузаётганда қарши тарафнинг Берн Конвенциясига қўшилган-қўшилмаганлигини эътиборга олади. Агар қарши тараф Берн Конвенциясига қўшилмаган бўлса, ривожланган мамлакатлар унинг зиммасига интеллектуал мулк ҳуқуқини ҳар томонлама ҳимоя қилиш мажбуриятини қўяди. Бинобарин, Ўзбекистон Республикаси ўзини ривожланган мамлакатлар билан иқтисодий ва илмий-техникавий ҳамкорлик қилиш соҳасида муносабатларни йўлга қўяр экан, у албатта Берн Конвенциясига қўшилиши ёки тегишли икки томонлама битимларда Конвенция шартларига ўхшаш шартларни ўзи учун қабул қилиши лозим бўлади. Айни вақтда Ўзбекистон Республикасининг муаллифлик ҳуқуқи бўйича бундай қонунлари Берн Конвенцияси талаблари асосида қайта ишлаб чиқилиши шартлиги келиб чиқади. БМТ Намунавий Қонунининг мавжудлиги масалани ҳал этишни анча осонлаштиради. Шу сабабли ҳам фикримизча, Ўзбекистон Республикасининг Берн Конвенциясига қўшилиши ҳақидаги масала объектив сабабларга кўра ижобий ҳал қилиниши лозим. Ўзбекистон Республикасининг Берн Конвенциясига қўшилиши Ўзбекистон муаллифлар маънавий ҳуқуқларининг бошқа мамлакатларда, қолаверса, халқаро миқёсда самарали муҳофаза этилишини тўла-тўкис таъминлаган бўлар эди.

[1] Р.Дюма. Литературная и художественная собственность. М.: Межлшн. 1989. 335-бет.

Н.Мирзаева,
студентка 1 курса магистратуры УМЭД

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В настоящее время, в связи с экспортом капитала, деятельность многих юридических лиц все более выходит за пределы государства, в котром они были учреждены. Многие иностранные организации, заинтересованные в установлении торговых связей с узбекскими партнерами, создают в Узбекистане свои представительства. Намереваясь осуществлять капиталовложения в конкретном государстве, они прежде всего проводят маркетинговые исследования, прорабатывают деловые кочтакты и осуществляют поиск клиентов. Эти функции входят в задачу представительства иностранного юридического лица. Разумеется, если иностранная компания уверена в рынке и правовой базе данного государства, то при желании она может сразу открыть свой филиал, в задачу которого, кроме иных функций, могут входить и функции представительства. Но для изучения рынка, инвестиционного климата, правовой базы данного государства ей необходимо представительство.

Однако следует различать представительство иностранной организации в частноправовом смысле, т.е. представительство юридического лица, и представительство по торгово-экономическим вопросам в иностранном государстве, подчиняющиеся публично-правовому режиму. Это различие демонстрирует Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2000 года "О внешнеэкономической деятельности", согласно ст. 14 которого представительства иностранных государств по торгово-экономическим вопросам учреждаются в Республике Узбекистан на основе международных договоров, заключаемых Республикой Узбекистан с соответствующими иностранными государствами. В той же статье говорится, что иностранные юридические лица вправе открывать на территории Республики Узбекистан представительства в соответствии с ее законодательством.

Деятельность юридического лица на территории иностранного государства должна быть зарегистрирована. Государственная регистрация как правовой институт, выполняющий учетно-контрольные и легализующие функции, обладает следующими признаками:

- установление ее требований и процедур, прежде всего законами;

- государственное признание действий юридического лица;

- обязанность осуществления регистрации для соответствующего органа и хозяйствующих субъектов;

- обладание юридико-информационной ценностью.[1]

Одной из форм легализации иностранного юридического лица на территории Республики Узбекистан является аккредитация его представительства. Термин "аккредитация" [от латинского *accredere* - доверять] предполагает наличие иностранного элемента. Так, изначально аккредитовались послы в иностранном государстве.

Порядок аккредитации представительства иностранного юридического лица в Узбекистане определяется Положением "О порядке аккредитации и деятельности представительств иностранных коммерческих организаций на территории Республики Узбекистан", утвержденным постановлением Кабинета Министров в 2000 г. Она осуществляется в Агентстве по внешним экономическим связям страны.

В соответствии с общими требованиями законодательства большинства стран мира, а также международными правилами, для признания подлинности или законности документов необходимо их заверение или легализация. Простейший вариант - это заверение подписью должностного лица и печатью организации, выпустившей документ. Большинство внутренних документов компании - протоколы назначения директоров и распределения акций, корпоративные резолюции и др. - не требуют специального заверения. Однако в официальных случаях, а также для предупреждения возможных разногласий между участниками того или иного соглашения или протокола, желательно заверение документов. Первый уровень - это нотариальное заверение. Его обычно достаточно для предъявления документов внутри страны их происхождения. Поскольку оригиналы регистрационных документов на компанию бывают заверены печатью государственного регистрирующего органа, нотариально обычно заверяют копии документов, а также устав, учредительный договор, доверенность на управление компанией и другие внутренние документы. Желательно также нотариально заверять документы, определяющие права собственности.

Порядок подтверждения подлинности документов вне страны происхождения определяется международными соглашениями. В частности, в странах, присоединившихся к Гаагской конвенции 1961 г.[2], отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, действительными считаются документы, имеющие так называемый гриф Апостиль, представляющий собой отдельный лист с наименованием "Apostille", прикрепляемый к заверяемому документу, или штамп с тем же наименованием и установленным по форме содержанием. Апостилизация документов необходима для открытия счета в банке, создания представительства или дочерней компании, а также при других контактах с официальными органами вне страны происхождения документов. Право проставлять гриф Апостиль на документы имеют лишь официальные органы и должностные лица каждой страны.

Для представления документов в стране, не присоединившейся к Гаагской конвенции, требуется их заверение в консульстве этой страны, находящемся по месту происхождения документов. Такое заверение часто бывает полезным даже в стране, признающей Апостиль, так как выполнено на языке этой страны и скреплено государственной печатью.

Открытие представительств юридических лиц на территории иностранного государства может предусматриваться соглашениями о торгово-экономическом сотрудничестве между государствами. Примером такого соглашения могут служить Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Эстонской Республики о торговом экономическом сотрудничестве от 17 сентября 1992 г.[1], ст.5 которого предусматривает, что государства, "...в соответствии с законодательством своих стран, окажут друг другу содействие в учреждении на территории каждой из стран представительств фирм, предприятий и организаций ...".

Сегодня, как никогда, ощущается острая необходимость перехода к унифицированной аккредитации. Наряду с лицензированием, сертификацией, аккредитация представляет собой легализующий режим государства, поэтому нужен нормативный акт общего характера, который объединял бы в себе принципиальные положения о легализации и ее видах. Тогда аккредитация представительств иностранных юридических лиц будет унифицирована и упрощена. Простота и доступность нормативно-правовой базы Республики Узбекистан для иностранных инвесторов – немаловажный фактор привлечения иностранных инвестиций.

[1] Тихомиров Ю.А. Государственная регистрация статусов юридических и физических лиц, их юридических действий и актов. Право и экономика. 2000. № 1. С.3.

[2] Республика Узбекистан не является участницей данной конвенции

[1] Международные договора Республики Узбекистан. II книга. Ташкент, ИА "Жахон",1998.

А.Файзуллаев,
Директор Центра политических исследований
Чрезвычайный и Полномочный Посол

МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ ДИПЛОМАТА

Имеется обширная литература по личностным и профессиональным качествам дипломатов, среди которой выделяются классические труды Ж.Камбона[1] и Г.Никольсона.[2] Но, как справедливо отмечает В.Попов, на протяжении истории требования к дипломатам менялись, и некоторые качества, которые когда-то украшали их, могут стать совершенно неадекватными в новых исторических условиях.[3] Так, «для дипломатов Древней Греции одним из важнейших качеств было красноречие, умение выступать на публике, убеждать «толпу»[4]. А «на втором месте после интеллекта среди качеств дипломата старой школы вплоть до XYIII в. стояли ловкость, хитрость, интриги, коварство»[5]. Можно также сказать, что надобность в тех или иных качествах дипломатов зависит и от международной ситуации, особенностей внешней политики государства, от конкретных задач, поставленных перед внешнеполитическим ведомством страны.

Так, французский, немецкий или итальянский посол в Лондоне, с учетом тесных исторических связей между этими странами и Великобританией, а также ввиду интенсивных дипломатических контактов на разных уровнях в рамках Европейского Союза, НАТО и других международных структур, в определенном плане выполняет несколько иные функции, чем посол Грузии, Казахстана или Узбекистана в британской столице, одной из важнейших задач которого является содействие интеграции своих новых независимых государств в международное сообщество.

Как отмечает В.Матвеев, «Расширение и качественное изменение международных связей в послевоенный период обусловило такое положение вещей, при котором они все в большей степени стали осуществляться помимо посольств и все чаще без участия послов»[6]. О том, что с использованием возможностей радио, телефона, международных путешествий, кабельного телевидения и Интернета дипломатия во все большей степени осуществляется напрямую между ста-

[1] Камбон Ж. Дипломат. М., 1946.
[2] Никольсон Г. Дипломатическое искусство. М., 1962.
[3] Попов В. Современная дипломатия. М., 2000.
[4] Там же. С. 21.
[5] Там же. С. 24.
[6] Матвеев В. Британская дипломатическая служба. М., 1990. С. 177.

лицами, минуя послов и посольства, пишет и Х.Лангольц[1]. Но, в отсутствии развитой инфраструктуры отношений между странами и народами, послам новых независимых государств больше приходится заниматься «маркетингом» и международным утверждением своих стран и при этом выступать одним из главных источников информации. Успех подобных дипломатических условий в немалой степени определяется личностными особенностями самих дипломатов.

Следует также отметить, что если ведущие государства мира, которые обладают большим экономическим и дипломатическим потенциалом, могут позволить себе узкую специализацию части своих дипломатов, то многие небольшие и развивающиеся страны в международных отношениях вынуждены в основном опираться на кадры широкого профиля. Кроме того, дипломатам новых независимых государств, особенно послам, зачастую приходится непосредственно заниматься не только политической деятельностью, но и хозяйственными и другими нестандартными делами (покупка или аренда зданий и квартир, их ремонт и оснащение, контроль над состоянием техники и автомашин и т.п.). Все это требует от дипломатов, прежде всего от послов, универсальности, гибкости и находчивости.

Имеющиеся в литературе описания качеств дипломатов зачастую основаны на личных наблюдениях авторов и мало систематизированы. В изучении особенностей международных отношений и дипломатии до сих пор главное внимание уделяется политическим, экономическим и военным аспектам, но не человеческому, личностному фактору. Политическая психология - одна из самых молодых психологических дисциплин, в основном успела затронуть такие проблемы, как механизмы PR и воздействия на масс, особенности избирательных компаний, психологические аспекты власти, лидерства, войны, терроризма, этнических конфликтов, формирование политических установок, принятие политических решений и т.п. Одна из фундаментальных книг по политической психологии, изданных в последнее время - это монография Р.МакДермотт[2]. Автор анализирует формы, методы и теории политической психологии международных отношений, затрагивает проблемы психобиографии, лидерства, групповых процессов. Р.МакДермотт в частности подчеркивает важность инкорпорации человеческих эмоций в политические модели[3]. Интересным представляется мысль автора о том, что эмоции не всегда контрпродуктивны в политике[4].

В отмеченных новейших монографиях Р.МакДермотт и под редакцией Х.Лангольца и К.Стоута, а также в специальном выпуске

[1] H.Langholtz. The Psychology of Diplomacy. – "The Psychology of Diplomacy. Psychological Dimensions to War and Peace". Edited by H.Langholtz and Ch.Stoun. Praeger, Westport, 2004. P.16.

[2] R. McDermott. Political Psychology in International Relations. The University of Michigan Press, Ann Arbor, 2004.
[3] Ibid, p. 17.
[4] Ibid, p. 18.

International Journal of Psychology, посвященном отношениям между дипломатией и психологией[1] красной нитью проходит идея о необходимости учета индивидуальных факторов в международных отношениях, но авторы не фокусируют внимание на психологических особенностях дипломатов. При этом Ф.Тетлок и Дж.Голдгейр справедливо призывают избегать как «психологический редукционизм», так и «макро редукционизм»[2]. Политическое мышление, психологическое осмысление политических процессов - явления чрезвычайно сложные. Как замечает Д.В.Ольшанский, «Принципиально важной особенностью, специфичной для политического мышления, является его крайняя нелогичность, а часто откровенная алогичность»[3]. Не менее, а может быть и более трудной для психологического анализа является сфера международных отношений, а также личность человека, вовлеченного в международную политику и дипломатию. Если иметь в виду и наличие в дипломатии элементов искусства, то еще более очевидно, как сложно строить какие-либо формализованные модели личности и деятельности дипломатов.

Дипломат - это человек, который защищает и продвигает интересы своего государства в чужой стране, международной организации или на соответствующих переговорах, при этом он способен ладить с другими, контролировать свои эмоции, наблюдать и анализировать поведение людей и государств, формулировать политически значимые выводы и рекомендации и излагать их[4]. Очевидно, что среди дипломатов встречаются такие же разные типы личностей, как среди ученых или артистов, учителей или рабочих, политиков или инженеров. Так, дипломаты могут быть интровертами или экстравертами, людьми с внешним или внутренним локусом контроля, уверенные и не уверенные в себе, с авторитарным или демократическим стилем поведения, с наличием или отсутствием лидерских свойств, с адекватной или неадекватной самооценкой, с подвижным или неподвижным темпераментом, с выраженной или невыраженной иерархией мотивов. В то же время современная дипломатическая профессия требует от человека определенного набора личностных качеств.

Как отмечает С.Матвеев, система экзаменов при приеме в британский Форин офис включает использование шкалы личностных показателей, таких как «способность к анализу», «интеллектуальная любознательность», способность к «быстрой психологической адаптации», «коммуникабельность», «способность работать под давлением» и др.[1] Указанные свойства личности связаны с когнитивной (способность к анализу, интеллектуальная любознательность), коммуникативной и эмоционально-волевой (способность к быстрой психологической адаптации и работе под давлением) сферой индивида. Можно более детально рассматривать эти сферы личности, выделив, например, различные особенности восприятия и мышления (когнитивная сфера), вербального и невербального общения, презентации, межличностной чувствительности (коммуникативная сфера), эмоционального реагирования и стрессоустойчивости (эмоционально-волевая сфера). В то же время в анализе личностных и профессиональных свойств дипломатов, подготовке и оценке дипломатических кадров мало внимания уделяется мотивационным факторам. Это частично связано с тем, что, если когнитивные и коммуникативные качества человека можно относительно легко выявить и оценить (например, путем интеллектуальных тестов или простого наблюдения), то гораздо сложнее обстоит дело с пониманием и оценкой эмоциональных, и еще в большей степени - мотивационных свойств личности.

Вопрос о роли личности и ее мотивации в истории, политике и дипломатии стар и противоречив. Можно привести многие примеры влияния личностных, субъективных факторов на политику и международные отношения, но сильные аргументы имеются и у тех, кто как Х.Моргентау, считают, что политика подчинена объективным законам, и было бы бесполезно и неверно искать ключи к внешней политике исключительно в мотивах государственных деятелей. Как отмечает Х.Моргентау, такие поиски были бы напрасны, потому что мотивы являются наиболее иллюзорными и искаженными психологическими данными. Знаем ли мы в действительности свои мотивы, что мы знаем о мотивах других людей? - спрашивает он. Х.Моргентау считает, что, даже если мы распознали бы реальные мотивы государственных деятелей, это все равно мало помогло бы в понимании внешней политики. История, по его мнению, показывает отсутствие точной и необходимой корреляции между качеством мотивов и качеством внешней политики. Так, исходя из добрых намерений государственного деятеля, мы не можем заключить, что его внешняя политика будет морально достойной или политически успешной. И, если мы хотим знать о моральном или политическом качестве его действий, мы должны знать сами эти действия, а не его мотивы. Нередко государственные мужи действуют, стремясь улучшить мир, но на самом деле ухудшают его. И как часто они думают об одной цели, но на самом деле добиваются совершенно другого, чего не ожидали или не хотели, пишет Х.Моргентау[2].

[1] Diplomacy and Psychology. A Special Issue of The International Journal of Psychology. Volume 35, Issue 2, April 2000.
[2] Ph. Tetlock and J. Goldgeier. Human Nature and World Politics: Cognition, Identity, and Inaluence. – "International Journal of Psychology". Volume 35, Issue 2, April 2000. P. 87-96.
[3] Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб., 2002. С. 82.

[4] Особо важно умение дипломата составлять информационные и аналитические записки.

[1] Матвеев С. Британская дипломатическая служба. М., 1990. С.190-191.

[2] H. Morgenthau. Politics among nations. The straggle for Power and Peace. Brief Edition. New York, McGraw-Hill, Inc. 1993. P. 3-17.

В то же время Х.Моргентау отмечает, что среди всех факторов, определяющих могущество нации и государства, самым важным, хотя и нестабильным, является качество дипломатии. Именно оно вбирает в себя все другие факторы, из которых складывается могущество государства, интегрирует их в единое целое и дает им направление и вес. Для могущества нации ведение внешней политики государства дипломатами в мирный период - это то самое, что и осуществление военной стратегии и тактики военными во время войны. Дипломатию можно рассматривать как мозг государственной мощи, а национальную мораль - как ее душу. Компетентная дипломатия может увеличить могущество нации и государства, отмечает Х.Моргентау[1].

Внешнеполитические задачи невозможно выполнить без соответствующего кадрового обеспечения. При этом имеют значение не только знания и навыки дипломатических кадров, но и их установки, мотивы и другие личностные особенности. Мотивацию дипломатов мы рассматриваем не столько в плане поиска одного из ключей к внешней политике, сколько в плане обеспечения эффективности самой дипломатии. Нас также интересует внутренний мир и переживания дипломата, особенности актуализации его потенциала как личности.

Мотивационные образования - побуждения, мотивы, цели, намерения, желания, стимулы, диспозиции, установки и другие движущие силы человеческого поведения как бы пронизывают все личностные свойства человека, взаимосвязаны с ними, интегрируют их в единое целое - характер индивида. Мотивы и побуждения определяют особенности деятельности человека, от их связанности зависит цельность личности и ее поведения, и для эффективности внешней политики страны далеко не безразлично, какие побудительные факторы занимают ведущие места в системе мотивации дипломатов. Переговорное мастерство, не подкрепленное соответствующей мотивацией, оказывается малоэффективным.

Фундаментальную важность для осуществления эффективной дипломатии приобретает цельность мотивационной сферы дипломатов. Невозможно представить хорошего дипломата с фрагментарной, раздробленной мотивационной сферой. Принятые личностью мотивы занимают определенное место в иерархии мотивационной сферы индивида[2], становятся основой для формирования его убеждений. При этом принятие личностно значимого мотива у дипломатов происходит через его соотнесение и с национальными интересами, государственной политикой. Тем самым государство как некое значимое смысловое образование, становится частью Я, или Я-концепции дипломата. В психологическом плане происходит как бы интериоризация внешнеполитических факторов, они становятся элементом внутреннего, психологического «ландшафта» дипломата.

Интересным представляется изучение мотивации достижения успеха у дипломатов. Люди, которые стремятся достичь успеха, бывают весьма реалистичными и в основном ставят перед собой задачи выше средней степени сложности. Те же, которые строят свою деятельность по принципу избежания неудачи, обычно выбирают или слишком простые, или чрезмерно сложные задачи (чтобы в случае неуспеха можно было легко объяснить свой провал). Наблюдения показывают, что в связи с характером дипломатической деятельности, требующей большой осторожности в высказываниях и действиях, у некоторых дипломатов формируется устойчивая мотивация избежания неудачи. Они могут быть хорошими знатоками своего дела, однако опасение неудачи, особенно если внешнеполитические ориентиры страны четко не обозначены, сковывает их, и им трудно брать ответственность на себя. Все это говорит о необходимости формировать у дипломатов мотивацию достижения успеха, обсуждать с ними проблемы принятия решений в условиях неопределенности и большой ответственности.

Особое значение для деятельности дипломатов имеет такое интегральное мотивационное образование, как убеждение. Собственно говоря, убеждение - это целая система взаимосвязанных и взаимоподдерживающих мотивов. Дипломат, ведущий переговоры без твердых и устойчивых убеждений, оказывается в слабой позиции. Как отмечает В.Попов, «Американские политологи к основным средствам дипломатии относят убеждение и компромиссы»[1]. Мы можем также сказать, что лишь тот человек может убедить других, который сам убежден[2].

В убеждении есть не только мотивационный, но и ценностный и когнитивный компоненты. Поведение дипломата соизмеряется с его чувством патриотизма, ощущением миссии служения Родине, такими ценностями как мир, справедливость, решение международных конфликтов и др. Дипломат должен постоянно перерабатывать, анализировать информацию, критически осмысливать ситуацию. Он сознательно или неосознанно соотносит свое поведение с политикой своего государства и страны пребывания, а также с непривычными культурными нормами, которые окружают его. Важнейшим условием не только профессиональной эффективности, но и психологического благополучия дипломата является совпадение личных убеждений и линии его профессионального поведения. Противоречие между ними может привести к внутренним конфликтам, неврозам.

Как известно из социальной психологии, если у личности складывается противоречивая система знаний и убеждений, то она невольно

[1] Ibid. С. 160-164.

[2] Файзуллаев А. Принятие мотива личностью. – «Психологический журнал», т. 6, № 4, 1985. С. 87-96.

[1] Попов В. Современная дипломатия. М., 2000. С. 27.

[2] Известны многочисленные примеры, когда фанатикам, благодаря абсолютной убежденности в своей правоте, удается привлечь в свою сторону вполне разумных или колеблющихся людей.

но стремится ее изменить и привести в более уравновешенное состояние. У дипломатов, оказавшихся в новых условиях работы, может возникнуть так называемый когнитивный диссонанс.[1] Чем менее сформирована и устойчива у дипломата система убеждений, тем более он подвержен риску когнитивного диссонанса. Некоторые бывшие советские дипломаты, воспитанные в духе неприятия ценностей капитализма, оказавшись на Западе, испытывали сильный когнитивный диссонанс. Выходом было или искусственное «приведение в порядок» системы убеждений с помощью идеологического воздействия или психологических защитных механизмов, или же скрытое разрушение этой системы со всеми вытекающими отсюда политическими, нравственными и психологическими последствиями.

Система убеждений личности является наиболее устойчивой, если она связана с эмоциональной сферой индивида, переплетается с чувственными элементами. Недаром говорят о патриотизме как о чувстве. В литературе отмечается важность такого качества дипломата, как лояльность (Ж.Камбон, В.Попов и др.). Лояльность, будучи диспозиционным образованием, также не может зиждиться лишь на рациональных компонентах. Убеждения, лояльность, патриотизм, столь необходимые в дипломатической профессии, выступают как мощные мотивационные образования, непосредственно связанные с эмоционально-чувственной сферой личности.

Дипломатия издревле считается весьма престижной профессией, и, как правило, за рубеж, официально представлять страну направляются достойные и образованные люди. Я-концепция у дипломатов непосредственно связана не только с его субъективным мироощущением своего места и роли в мире, но и с имиджем государства, которое он представляет. Уважение к государству, которое представляет дипломат, благотворно сказывается на его Я-концепции, и наоборот - низкий международный престиж страны отрицательно действует на субъективное осмысление дипломатом самого себя.

В дипломатии много символов. Знаки почести по отношению к дипломатам символизируют уважение к представляемому им государству. Дипломат, на психологическом уровне идентифицирующий себя со своим государством, начинает испытывать «потребность в статусе и уважении». Как правило, дипломаты в целом - это люди с достаточно высокой самооценкой, и многие из них стараются поддерживать ее на таком уровне. Потребность в уважении и самоуважении является мощным мотивационным фактором для подавляющего большинства людей, однако у дипломата с устойчивой психологической идентификацией с символами и интересами своего государства, подобная мотивация выступает в особо очерченной форме.

[1] От англ. *cognition* (знание) и *dissonance* (несоответствие). Состояние, когда в сознании личности сталкиваются противоречивые знания об одном и том же объекте или явлении. При этом человек переживает чувство дискомфорта и стремится от него избавиться. Другими словами, состояние когнитивного диссонанса выступает и как мотивационный фактор.

Своеобразие Я-концепции дипломатов и ее мотивационного эффекта связано не только с политическими, но и культурными факторами. Я-концепции дипломатов подвергаются испытанию в кроскультурной среде. Д.Мацумото пишет: «Наши Я-концепции могут коренным образом отличаться от тех, которые присущи другой культуре», и «мы видим эти различия только в столкновениях, которые происходят, когда встречаются люди с различными ощущениями «Я»[1]. Для гармонизации своей Я-концепции некоторые дипломаты сознательно или неосознанно вырабатывают в себе мультикультурную идентичность. Как отмечает Д.Мацумото, мультикультурные идентичности становятся все более распространенными в современном мире[2]. Но при этом может быть и риск конфликта с собственной культурой. Одним дипломатам удается избежать подобного риска, а другим - нет.

Живя в чужой культурной среде, дипломаты нередко сталкиваются с нестандартными ситуациями. Как отмечают Л.Росс и Р.Нисбетт, ни в какой либо нестандартной ситуации реакцию конкретных людей нельзя предсказать с какой бы то ни было точностью. «По крайней мере, этого нельзя сделать, пользуясь информацией о личностных диспозициях этих людей или даже об их поведении в прошлом»[3]. Иными словами, современная психология весьма скептически относится к высокой степени прогнозируемости поведения индивидов в новых условиях. В отличие от этого, дипломатия построена на признании рациональности и предсказуемости поведения дипломатов, в том числе в новых и нестандартных условиях. По-видимому, выработанные столетиями алгоритмы дипломатического этикета и норм поведения, а также устойчивая система мотивации способствуют сохранению стабильности и предсказуемости поведения дипломатов, однако не следует забывать, что даже самые опытные из них могут повести себя в нестандартных ситуациях неожиданным образом.

Неизученными феноменами являются эмоциональные привязанности дипломата в стране пребывания, а также социально-психологическая динамика в рамках дипломатического корпуса. Дипломаты, работающие за рубежом, как и все люди, испытывают эмоциональную тоску по Родине, родным и близким. Но долгие годы жизни в стране пребывания формируют новые эмоциональные связи и привязанности, в том числе в рамках дипломатического корпуса. Дипломатический корпус функционирует в соответствии с международными нормами и традициями в стране пребывания. Дипломаты, как официальные представители госу-

[1] Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002. С. 57.
[2] Там же. С. 70.
[3] Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999. С. 33.

дарств, в своих межличностных отношениях не могут не учитывать политические и другие аспекты отношений между странами. Но между дипломатами возникают и простые человеческие, даже настоящие дружеские отношения, которые порой могут не вписываться в рамки отношений между их странами. «Личные симпатии и дружественные отношения со своими иностранными коллегами, старые традиции и старые связи могут сделать для дипломата трудным честное и безусловное исполнение инструкций своего правительства»[1]. В этой связи не всегда можно предсказать мотивационные и поведенческие последствия подобного рода «эмоционально-политического диссонанса».

Дипломаты, как и все люди, подвержены влиянию так называемого правила взаимного обмена. «Это правило гласит, что мы обязаны постараться отплатить каким-то образом за то, что предоставил нам другой человек»[2]. Широко используемые в дипломатической жизни официальные и неофициальные приемы, угощения и мелкие подарки невольно стимулируют человека к соблюдению правила взаимного обмена. Но дипломат - это профессионал и прагматик, заботящийся об интересах своего государства, и по идее его поведение строго подчинено профессиональным целям и задачам. В профессиональном плане каждый дипломат стремится к достижению выгоды для своего государства, - справедливо отмечает Х.Лангольц[3]. Тем не менее, даже в дипломатической профессии трудно избежать следования правилу взаимного обмена, и дипломат вынужден строить свое поведение с учетом как политических, так и чисто человеческих факторов.

Таким образом, дипломат воспринимает мир и действует, будучи вовлеченным в систему политических, культурных, социальных, психологических и других связей и отношений, и дипломатическую деятельность следует рассматривать не только в аспекте международных отношений и внешней политики, но и в плане мотивационных и личностных факторов.

[1] Г.Хидоятов. Основы дипломатии. Ташкент, 2002. С. 208.

[2] Чандини Р. Психология влияния. СПб., 1999. С. 34.

[3] H.Langholtz. The Psychology of Diplomacy. – "The Psychology of Diplomacy". Edited by H.Langholtz and Ch.Stoun. Praeger, Westport, 2004. P.3.

Ф.Х.Ўсарова,
ЖИДУ «Фалсафа ва жаҳон маданияти» кафедраси катта ўқитувчиси

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚАРО МУНОСАБАТЛАРИНИ МУСТАҲКАМЛАШДА МИЛЛИЙ ИСТИҚЛОЛ МАФКУРАСИНИНГ ЎРНИ.

Ўзбекистоннинг жаҳон халқлари тинчлиги ва хавфсизлигига мос бўлиб тушган ташқи сиёсати унинг дунёда мустақил давлат сифатида тезда тан олинишини таъминлади. Ўзбекистон Республикасининг давлат мустақиллигини дунё аҳолисининг 95 фоизидан кўпини ўзида жойлаган 165 та давлат тан олди. Уларнинг 120 таси билан дипломатик, сиёсий, иқтисодий, илмий-техникавий ва маданий алоқалар ўрнатилди. Тошкентда 35 мамлакатнинг элчихонаси очилди.[1] Булар жумласига АҚШ, Германия, Франция, Буюк Британия, Хитой, Ҳиндистон, Туркия, Покистон ва бошқаларни киритиш мумкин. Шунингдек, Ўзбекистонда 88 та хорижий мамлакатлар ва халқаро ташкилотларнинг 24 та ҳукуматлараро ва 13 та ноҳукумат ташкилотларининг ваколатхоналари фаолият кўрсатмоқда. Дунёдаги 20 дан ортиқ давлатда Ўзбекистоннинг элчихоналари ишлаб турибди.[2]

Албатта, бундай ютуқларга эришиш осонликча бўлмади. Чунки мустақилликнинг дастлабки кунлариданоқ иқтисодий, сиёсий жабҳалардаги каби мафкуравий соҳада ҳам туб ўзгаришларни амалга ошириш зарур эди. Бунинг учун биринчи навбатда мустақил Ўзбекистоннинг миллий мафкурасини ишлаб чиқмоқ ва уни ҳар томонлама асосламоқ тақозо этиларди. «Чунки мафкура муайян ижтимоий гуруҳ, миллат, давлат, халқ ва жамиятнинг эҳтиёжлари, мақсад-муддаолари, манфаатлари, орзу-интилишлари ҳамда уларни амалга ошириш тамойилларини ўзида мужассам этадиган ғоялар тизимидир», деб таъкидлайди Президентимиз.[3]

Миллий истиқлол мафкурасини тарихий хотирасиз тасаввур этиб бўлмайди. Зотан Президент Ислом Каримов таъкидлаганидек, маънавиятини, туғилиб ўсган юртида ўзини бошқалардан кам сезмай, бошини баланд кўтариб юриш учун инсонга тарихий хотира керак. Инсон учун тарихи-

[1] Каримов И.А. «Хавфсизлик ва барқарор тараққиет йўлида», Тошкент, «Ўзбекистон», 6-том, 1998 йил 239-бет.

[2] Жалилов А. «Ўзбекистон ва жаҳон ҳамжамияти». Тошкент 2002 йил, 58-бет.

[3] Миллий истиқлол ғояси: асосий тушунча ва тамойиллар. Тошкент, «Ўзбекистон», 2000 йил, 9-бет.

дан жудо бўлиш ҳаётдан жудо бўлиш билан баробардир. Буюк жадид Маҳмудхўжа Беҳбудий «Мозий - келажак тарозисидир», деб ёзган эди. Орадан 50 йил ўтиб инглиз ёзувчиси ва публицисти Жорж Оруэлл ўз ўтмишига эга бўлган киши келажагига ҳам эга бўлади, дея таъкидлайди.[1]

Миллат ҳам худди бир дарахтдек. Унинг илдизлари қанчалик кўп ва чуқур бўлса, у шунчалик бақувват ва мустаҳкам бўлади.

Миллий истиқлол мафкурамиз салкам уч минг йиллик тарихга эга. Эрамиздан аввалги 1 минг йиллик бошларида яратилган «Авесто»да биринчи бор эзгулик, яхшилик билан ёвузлик ўртасидаги кураш, яхшиликнинг устун бўлиши ғояси илгари сурилган. Бунинг ёрқин далили сифатида «Авесто»да учрайдиган муқаддас, ҳиссиётлар маъносини билдирадиган ўзбекча бахт, меҳр, мард, замин, дўст, давлат яхлитлиги, инсон ҳуқуқи ва бошқа сўзларни келтириб ўтиш кифоя.[2]

Миллий истиқлол мафкурамиз Турон ҳалқларини турли истилоларга қарши курашда мустақиллик учун бирлаштирган эди. Ўрта асрларда миллий мафкура ислом эътиқоди билан бойиди ва унга асосланди. Ислом дини тўлақонли ҳукмрон мафкуравий мавкега эга бўлди. Бугун ислом дини 172 та мамлакатда тарқалиб, 1,3 млрд. нафар аҳолини қамраб олди.[3]

Амир Темур ҳукмронлик қилган даврда миллий мафкурамиз халқаро муносабатларни мустаҳкамлашда алоҳида ўрин тутган. Бу айниқса, маданият, савдо-сотиқ, ободонлаштириш ишларида кўзга ташланади. Масалан, Амир Темур шундай таъкидлайди: «Хароб бўлиб ётган ерлар эгасиз қолса, холиса тарафидан обод этилсин. Агар эгаси бўлса-ю, обод қилишга қурби етмаса, унга асбоб-ускуна ва керакли нарсалар берилсин, токи ўз ерини обод қилиб олсин».[4] Президентимиз таъкидлаганидек, Амир Темур фаолиятининг, биз учун ибратли нуқталаридан яна бири шундаки, у савдо-иқтисодий муносабатлари орқали халқаро, мамлакатлар ўртасида ягона макон барпо этиш соҳасида шундай ютуқларга эришган. Ўзбекистон Амир Темурнинг ижобий ишларини янги шароитда, янги даврда давом эттирмоқда.

Миллий мафкурамиз Туркистон АССР даврида ларзаларга сезиларли даражада учрамади. Чунки коммунистик мафкура ҳали ўзининг мавқеини бутунлай тиклашга улгурмаган эди. Шунинг учун ҳам дастлабки йилларда Туркистон Республикаси хорижий мамлакатлар билан қисман бўлса-да, мустақил алоқа қилишга муяссар бўлган. Жумладан, 1919-1920 йилларда ўзбек маърифатпарвари ва жамоат арбоби Абдулла Авлоний Афғонистонда РСФСР элчисининг ўринбосари, сўнгра бош консули бўлиб ишлади.[1]

1923 йилдан бошлаб туркистонлик ва бухоролик ёшлар Германияда яхши ўқиб, маданий-маърифий ишларда фаол қатнашиб, икки миллат ўртасида дўстлик ришталарини мустаҳкамлаганлар. Бундан ташқари, ўзбекистонлик ёшлар Франция, Миср, Япония каби мамлакатларда турли соҳаларда ҳамкорлик қилганлар.

1923-1927 йиллар оралиғида, яъни ҳали истибдод тузуми тўла кучга кирмаган ва унинг ҳаётни барбод қилувчи совуқ нафаси билинмай турган йилларда бир неча ўзбек ёшлари Европанинг илғор мамлакатларига ўқишга юборилди. Уларнинг нечталиги, қайси соҳаларда ўқиганлиги, қайси университетларда таълим олганлиги ўзбек олими Шерали Турдиев томонидан ўрганилган ва алоҳида рисола ҳамда хужжатли кинофильм сифатида халқимизга инъом этилган.[2]

30-йилларга келиб Ўзбекистонда «буржуа мафкураси»га қарши кураш бошланди. Туркия ва Германияда ўқиган ўзбекистонлик талабалар қатағон қилиндилар, баъзилари отиб ташландилар. Шу тариқа ўзбек халқи коммунистик мафкура кишанларига тушиб, «темир парда» билан хориждан бутунлай ажратиб қўйилди. Европани фашизмдан қутқаришда қатнашган ўзбек жангчилари бозор иқтисодиёти мамлакатларини кўрдилар, у тузум қандай имтиёзлар беришига ишонч ҳосил килдилар. Бу таъсирнинг олдини олмоқ, бозор муносабатларининг ғоялари тарқалишига йўл қўймаслик чораларини кўрмоқ лозим эди. Ана шу боис шўро тузуми «совуқ уруш» сиёсатига кўчди, икки тизим орасида «темир парда» юзага келтирилди. Бундай сиёсат натижасида инсониятнинг 1/3 кисми унинг 2/3 қисмидан сунъий равишда узоқлаштирилди.

Мустақиллик шарофати билангина асрлар давомида халқимиз қалбида яшаб келган тарихимиз, тилимиз, динимиз, урф-одат ва маънавиятимизнинг негизи бўлмиш миллий мафкурамиз тикланди. Мафкуранинг тиниқлиги, унинг халқлар ўртасидаги ўзаро ижодий ва ижобий характери халқларнинг яқинлашишига, дўстлашишига олиб келадиган куч ҳисобланади. Шуни назарда тутган Президентимиз И.А.Каримов «Миллатнинг, халқнинг ҳамжиҳатлиги эса ҳар кандай тараққиётнинг гаровидир», деб таъкидлайди. Ўзбекистонинг халқаро муносабатларини мустаҳкамлашда миллий истиқлол мафкурасининг асосий ғоялари бўлмиш ватан равнақи, миллатлараро тотувлик, диний бағрикенглик, комил инсон ғояларининг ўрни катта, албатта.

«Айни вақтда мустақиллик биздан зиммамизга олган халқа-

[1] Қаранг: Левитин Леонид. Ўзбекистон тарихий бурилиш палласида. (Президент И.Каримов тарафдорининг танқидий мулоҳазалари). Тошкент, «Ўзбекистон», 2001 йил. 64-бет.

[2] Қаранг: Алимардонов Т. Ўзбекистонда демократик жамият тўғрисидаги қарашларнинг манбалари ва унинг ривожланиш босқичлари.Тошкент, 2003 йил.

[3] Закурлаев А., «Ғоялар кураши», Тошкент, «Моварауннаҳр», 2000 йил, 5-бет.

[4] «Темур тузуклари», Тошкент, F. Ғулом номидаги адабиет ва санъат нашриёти, 1996 йил. 14-бет.

[1] Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент, «Шарқ», 2000 йил, 410-бет.

[2] Турдиев Ш., «Улар Германияда ўқиган эдилар», Тошкент, 1995 йил.

ро мажбуриятларга риоя этиш ва уларни бажаришни, Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Низоми талабларига, халқаро ҳуқуқнинг умумэътироф этилган меъёрларига қатъий амал қилиб яшаш масъулиятини сўзсиз юклайди.

Бу - узоқ-яқин қўшниларимиз билан дўстлик ва ҳамкорлик асосида яшаш, дунё ҳамжамиятидан ўзимизга муносиб обрў ва ўрин эгаллаш учун доим интилиш ва курашиш демакдир», дейди Президентимиз И.А.Каримов.[1]

Таниқли америкалик аналитиклар Пол Хензе ва Эндерс Уимбушнинг фикрича, Гарбнинг Марказий Осиё бўйича сиёсатида бетакрор тарих, маданият ва динга эга бўлган Ўзбекистон устувор аҳамият касб этади.[2]

Дарҳақиқат, дин эзгулик манбаи. «Дин инсон руҳини поклаши, одамлар ўртасида меҳр-оқибат туйғуларини мустаҳкамлаши, миллий қадрият ва анъаналарни асрашга хизмат қилиши билан ҳар қандай жамият ҳаётида муҳим ўрин тутади. Айниқса, инсоният мураккаб тараққиёт жараёнини бошидан кечираётган ҳозирги даврда диннинг турли халқлар ўртасида мулоқот ўрнатиш, уларни маънавий ва руҳий жиҳатдан яқинлаштириш, зулм ва зўравонликка қарши биргаликда курашга даъват этиш борасидаги аҳамияти беқиёсдир».[3] Бу фикрлар миллий истиқлол мафкурамизнинг диний бағрикенглик ғояларида ўз ифодасини топган. Республикамизда 15 диний конфессия руйхатга олинган ва расман фаолият кўрсатмоқда, 170 дан ортиқ диний ташкилотлар ишлаб турибди.[4]

Пойтахтимиз Тошкентда 1999 йил ислом динига оид бой ва ноёб маънавий-маданий меросни чуқур ўрганиш, уни асраб-авайлаш, ислом динининг жаҳон маданияти тарихида тутган ўрнини тадқиқ этиш, хорижий мамлакатларнинг етакчи таълим ва илмий марказлари билан ўзаро ҳамкорликни амалга ошириш мақсадида Ислом университети ташкил этилди. Ҳозирги кунда Университетда АҚШ, Франция, Голландия, Россия, Саудия Арабистони, Миср, Бирлашган Араб Амирлиги, Қувайт ва бошқа бир қатор мамлакатларнинг университетлари ва илмий-тадқиқот марказлари билан алоқалар ўрнатилган.

Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 18, 31, 61-моддаларида дин ва виждон эркинлиги масалаларига катта эътибор қаратилаган.

Мустақил Ўзбекистонни оламга танитишнинг самарали йўлларидан бири чет тилларни ва биринчи навбатда, жаҳон тилларини

[1] «Ўзбекистонда демократик ўзгаришларни янада чуқурлаштириш ва фуқаролик жамияти асосларини шакллантиришнинг асосий йўналишлари», Иккинчи чақириқ Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг тўққизинчи сессиясидаги маъруза, 2002 йил 29 август, 17-бет.

[2] Каранг: Леонид Левитин. «Ўзбекистон тарихий бурилиш палласида», «Вагриус» нашриети, 2001 йил, 55-бет.

[3] Каримов И.А., «Оллоҳ қалбимизда, юрагимизда», «Туркистон-пресс» ахборот агентлиги мухбирининг саволларига жавоблар. Ўзбекситон, 1999 йил.

[4] «Асрларга тенг йиллар», (маъруза матни). Тошкент, «УАЖБНТ» маркази 2001 йил, 38-бет.

МАЪНАВИЯТ ВА МАЪРИФАТ

эгаллаб олишдир. Бу борада Ўзбекистонда мисли кўрилмаган катта ишлар бажарилмоқда. Айтиш мумкинки, Ўзбекистон халқи чет тилларни ўзлаштиришда ниҳоят юксак ташаббускорлик, топқирлик, фаолликнинг олий намуналарини кўрсатмоқда. Энди минглаб ёш ўзбеклар дунёнинг барча бурчакларида юртимизни, элимизни, тилимизни, маданиятимиз ва тарихимизни тарғиб этмоқдалар.

Алоҳида урғу бериш керакки, бугунги ишларимиз она тили билан бир қаторда инглиз, француз, немис, япон, испан ва бошқа хориж тилларини мукаммал биладилар. Бу эса хориж ёшлари билан бемалол, дўстона суҳбатлашишга ёрдам беради ва тил орқали халқаро муносабатлар янада мустаҳкамланади. Бунда 1992 йил ташкил этилган Ўзбекистон Жаҳон тиллари университети ва Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетларининг ўрни жуда катта. Бугунги кунда биргина Жаҳон тиллари университетида 4,1 минг талаба таҳсил олмоқда.[1] Университет қошида Ўзбекистон тил ўрганиш маркази бўлиб, унда инглиз, немиз, француз, испан, ўзбек ва рус тиллари ўрганилса, ЖИДУда ушбу тиллар қаторида япон, корейс тиллари ҳам ўргатилмоқда. Тил ўрганиш орқали ишларимиз турли миллат вакилларининг турмуш тарзи, маданияти, урф-одатларини ҳам ўрганмоқда. Бу эса миллий истиқлол мафкурамизнинг халқаро муносабатларни мустаҳкамлашдаги аҳамиятини янада оширади. Масалан, 2002 йил Бельгия қироллигида «Ўзбек маҳалласи: одамлар, урф-одатлар» мавзусида фотокўргазма ташкил этилди ва у кенг жамоатчилик ўртасида илиқ қарши олинди. 2002 йил Афинада, 2003 йил Япониянинг Канагава шаҳрида халқаро болалар ижодиёти кўргазмаси очилди ва ўзбекистонлик ёшларнинг ишлари диққатга сазовор бўлиб, улар совринли ўринларни эгалладилар. 2004 йил Латвияда якшанба-ўзбек мактаби очилди.[2] Албатта, бундай мисоллар жуда кўп. Булар миллий истиқлол мафкурасининг асосий ғоялари бўлмиш, миллатлараро тотувлик, комил инсон, диний бағрикенглик каби ғояларининг мақсадига мос келади. Миллатлар бир-бирларининг тили, тарихи, маданияти, урф-одатларини қанчалик яхши билишса, ривожланиш, ўсиш шунчалик тезлашади. 1991 йил мамлакатимизда 12 та миллий-маданий марказ мавжуд бўлган бўлса,[3] 1999 йилга келиб уларнинг сони 100 дан ошиб кетди.[4]

Халқимизнинг ранг-баранг ва бой маданияти жаҳон халқлари маданиятининг ажралмас қисмидир. Юксак миллий маданият, маънавият ҳамма вақт жаҳон халқларини бир-бирига яқинлаштирувчи восита бўлиб келган ва ҳозир ҳам шундай бўлиб қолмоқ-

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий ўқув юртлари. Маълумотнома, «Иқтисодиет ва ҳуқуқ дунеси» нашриёт уйи, Тошкент, 2000 йил 27-бет.

[2] Халқ сўзи, 2004 йил 19 февраль.

[3] «Бирлик», 1997 йил, 18 март.

[4] «Бирлик». - «Единство». 1999 йил, апрель, 4-сон.

да. ЮНЕСКО билан ҳамкорликда 1999 йил «Алпомиш» эпосининг 1000 йиллиги, 2001 йил «Авесто» яратилганлигининг 2700 йиллиги кенг нишонланди. Буюк алломаларнинг ўнлаб нодир ва ноёб асарлари инглиз, француз, немис, япон ва бошқа хорижий тилларда нашр этилди. Булар қаторига Имом Ал-Бухорий, Бурҳониддин Марғиноний, Имом Ал-Мотуридий, Аҳмад Ал-Фарғоний ва бошқаларни киритиш мумкин. 2004 йил 6 апрель куни Латвияда бобокалонимиз Мирзо Улуғбекка, 26 март куни эса Японияда Алишер Навоийга ўрнатилган ҳайкалнинг очилиш маросими тантанали нишонланди.

2000 йилнинг сентябрь ойида БМТ Бош Ассамблеясининг «Минг йиллик саммити»да Президентимиз биринчи бўлиб «...Марказий Осиё мамлакатларининг тинчлиги ва барқарорлигига, мазкур минтақада яшовчи халқларнинг хавфсизлигига дахл қилувчи тажовузларнинг олдини олиш ва бартараф этиш борасидаги ҳамжиҳатлигини мустаҳкамлаш зарур. Уларнинг бу йўлдаги саъй-ҳаракатлари, имкониятлари ва салоҳиятларини мувофиқлаштириш ва бирлаштириш айниқса, муҳимдир»[1], деган фикрларни олға сурди. Бунинг нақадар муҳимлигини ҳаётнинг ўзи кўрсатди. Мустақил тараққиёт, эркин ва фаровон ҳаётга бўлган ишончэътиқодни мустаҳкамлаш йўлида хавф-хатарларнинг олдини олиш учун муттасил огоҳ бўлиб яшаш, биргаликда кураш олиб бориш минтақа халқлари учун ҳаётий заруриятга айланиб қолди.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, миллий истиқлол мафкурасининг ҳар томонлама намоён бўлиши айни бир вақтда Ўзбекистон халқаро муносабатларининг мустаҳкамланишига хизмат қилади.

[1] Каримов И.А., «Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт – пировард мақсадимиз», Тошкент, «Ўзбекистон», 2000 йил, 36-бет.

О. Йўлдошев,
ТДИУ «Ўзбекистонда демократик жамият қуриш назарияси ва амалиёти» кафедраси доценти, тарих фанлари номзоди

ТАШҚИ ИҚТИСОДИЙ СИЁСАТНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ

Ўзбекистонда демократик ҳуқуқий давлат ва фуқаролик жамиятини барпо этиш жамиятнинг барча соҳаларини тубдан ислоҳ қилиш билан бирга унинг ҳуқуқий базасини такомиллаштиришни ҳам тақозо этади. Зеро, жаҳон тажрибасидан маълумки, ижтимоий йўналтирилган бозор иқтисодиётини ҳуқуқий жиҳатдан таъминламасдан туриб, унинг ички муносабатларини шакллантириш мумкин эмас. Президентимиз Ислом Каримов таъкидлаганидек, мустаҳкам ҳуқуқий негиз бўлгандагина ўзини оқламаган эски тизимни тўла ишонч билан қайта қуриш, маданий бозор иқтисодиётига эга бўлган янги жамият қуриш мумкин[1]. Мамлакатда иқтисодий ислоҳотларни амалга ошириш кўп жиҳатдан ташқи иқтисодий фаолиятни эркинлаштириш ва жаҳон иқтисодий ҳамжамиятига қўшилишга ҳам боғлиқдир. Бир неча ўн йиллар давомида ташқи дунёдан ажралиб қолган Ўзбекистон мустақиллик туфайлигина бундай ҳолга барҳам бериб, ташқи иқтисодий муносабатларда давлат сиёсатини йўлга қўйди.

Мустақилликнинг дастлабки йилларида ташқи алоқаларни йўлга қўйишда миллий манфаатдорлик нуқтаи назаридан келиб чиқиб, халқаро муносабатларга мос ўз қоидаларимизни ишлаб чиқдик. Бу эса ички ва ташқи фаолиятда маъмурий чекланишларни кескин қисқартириб, уларни умум қабул қилинган халқаро меъёрлар, қонунлар, ҳуқуқ қоидаларига мослаб, ташқи савдони бошқаришнинг бозор воситалари билан алмаштириш, ташқи иқтисодий фаолиятни аста-секин эркинлаштириш имкониятларини юзага келтирди. Ўзбекистон Конституциясининг 17-моддасида Ўзбекистон Республикаси халқаро муносабатларнинг тўла ҳуқуқли субъекти эканлиги таъкидланган. Республикамизни халқаро муносабатларнинг тенг ҳуқуқли субъекти сифатида таърифловчи ҳуқуқий меъёрларнинг яратилиши натижасида Ўзбекистон жаҳонни кашф эта бошлади. Жаҳон ўз навбатида бизнинг мамлакатимизни кашф этмоқда.

1991-2004 йиллар давомида қабул қилинган қонунлар, Президент Фармонлари, ҳукумат қарорлари республика ташқи фаолиятининг ҳуқуқий негизини яратишда ва унинг амалиётда қўлланилишини таъминлашда кучли восита бўлди.

Ўзбекистон Республикаси Президенти Ислом Каримовнинг 1991 йил 7 сентябрдаги «Ўзбекистон Республикаси ташқи иқтисодий алоқалар Миллий банкини ташкил этиш тўғрисида»ги ва

[1] Каримов И.А. Ватан саждагоҳ каби муқаддасдир.Т.3.-Т.: «Ўзбекистон», 1996, 192-бет

1992 йил 21 февралдаги «Ўзбекистон Республикаси Ташқи иқтисодий алоқалар вазирлигини ташкил этиш тўғрисида»ги Фармонлари Ўзбекистон Республикаси ташқи иқтисодий муносабатларини мустақил ривожлантириш учун қўйилган дастлабки қадамлар бўлди.

Ташқи иқтисодий сиёсатнинг ҳуқуқий асосларини мустаҳкамлаш мақсадида бир неча қонунлар, фармонлар ва қарорлар республикамиз экспорт имкониятларини оширишга, чет эллик инвесторлар фаолиятини кафолатлашга ҳизмат қилиб, халқаро иқтисодий муносабатларни ривожлантиришда катта роль ўйнади.

Иқтисодий ислоҳотларнинг дастлабки йилларида қабул қилинган кўпгина қонунларга 2000 йилга келиб айрим қўшимчалар киритилиб, уларнинг янги таҳрири қабул қилинди. Жумладан, 2000 йил 26 майда «Ташқи иқтисодий фаолият тўғрисида»ги Қонуннинг янги таҳрири қабул қилинди. Ушбу Қонуннинг асосий вазифалари ташқи иқтисодий фаолиятни амалга оширишда Ўзбекистон Республикасининг иқтисодий хавфсизлигини таъминлаш, унинг иқтисодий суверенитети ва иқтисодий манфаатларини ҳимоя қилиш, миллий иқтисодиёт ривожини рағбатлантириш, мамлакат иқтисодиётининг жаҳон иқтисодий тизимига интеграциялашуви учун зарурий шарт-шароитларни яратишдан иборат эканлиги кўпгина моддаларда ўз аксини топди.

Қонуннинг 3-моддасига мувофиқ, ташқи иқтисодий фаолият деганда, Ўзбекистон Республикаси юридик ва жисмоний шахсларининг, хорижий давлатларнинг юридик ва жисмоний шахслари, шунингдек халқаро ташкилотлар билан ўзаро фойдали иқтисодий алоқаларни ўрнатиш ва ривожлантиришга қаратилган фаолият тушунилади.

Ўзбекистонда қонунчиликнинг шаклланиши ва ривожланиши мамлакатимизда иқтисодий ислоҳотларни амалга оширишда ташқи иқтисодий омиллардан фойдаланишда муҳим аҳамият касб этмоқда. Республика Президенти мамлакатимиз қонунчилик институтларининг фаолиятига тўхталиб, шундай деган эди: «Ташқи иқтисодий фаолият тўғрисида, Ўзбекистон Республикасининг етакчи халқаро ташкилотларга аъзолиги тўғрисида, валютани тартибга солиш тўғрисида қабул қилинган қонунлар, асосий халқаро пактлар ва битимларнинг Ўзбекистон томонидан имзоланиши мамлакатимиз ташқи алоқаларининг ривожланиш тарихида сифат жиҳатидан янги саҳифа очди»[1]. Жумладан, 2003 йил 30 декабрда қабул қилинган «Электрон ҳужжат айланиши тўғрисида»ги Қонун, Вазирлар Маҳкамасининг 2003 йил 2 майда қабул қилинган «Тўғридан-тўғри хорижий инвестицияларни ҳуқуқий ҳимоя қилишни кучайтиришга доир чора-тадбирлар тўғрисида»ги қарори, Президентимизнинг 2003 йил 26 сентябрдаги «Ўзбекистон Республикасида ташқи савдо фаолиятини янада эркинлаштириш чора-тадбирлари тўғрисида»ги Фармони ташқи иқтисодий фаолиятни янада ривожлантиришга ижобий туртки бўлмоқда.

Ўзбекистон Республикаси ҳукуматининг Халқаро валюта фонди билан келишилган ҳолда 2002 йилдан иқтисодий ва молявий сиёсат бўйича Меморандумининг ишлаб чиқилгани ва кучга киритилгани ҳамкорликни янада юксалтирди.

Иқтисодий ва молиявий сиёсат масалалари бўйича Меморандумда белгиланган 30 дан ортиқ вазифа ва мажбуриятларнинг барчаси амалда бажарилди. Хусусан, миллий валютамиз билан нақд хорижий валютанинг алмашув курсини унификация килиш борасидаги ўзгаришларни алоҳида қайд этиб ўтиш лозим. Аввало, мамлакатимиз бўйича кенг миқиёсда валюта алмашув шахобчалари тармоғи барпо этилди. 2003 йил 15 октябрдан хорижий валютани сотиб олиш учун аввал жорий этилган барча чеклашлар бекор қилинди.

Умуман олганда, республика ташқи иқтисодий фаолияти ҳуқуқий меъёрларининг яратилиши иқтисодий ислоҳотларни самарали ўтказишнинг омилларидан бири сифатида мамлакат ривожига ижобий таъсир этмоқда.

Республикамиз 2000 йилдан бошлаб экспорт қилинаётган маҳсулотлар ҳажмини кўпайтиришга муваффақ бўлди. Шу йили ташқи савдо айланмасида 317,3 миллион АҚШ доллари миқдорида ижобий сальдога эришилган бўлса, бу кўрсатгич 2003 йил якунлари бўйича 760 миллион АҚШ долларини ташкил этди[1].

Эндиликда республикада ташқи иқтисодий савдо алоқаларини кенгайтириш истиқболлари мавжуд. Янги ташкилий-хўжалик тизими тузилишини рағбатлантириш туфайли корхона, бирлашма, фирмаларнинг мустақил ҳолда жаҳон бозорига чиқиши янада кенгайиб бормоқда. Ўзбекистон билан ташқи савдо-иқтисодий соҳаларда битим тузаётган мамлакатлар сони кўпаймоқда. Кейинги вақтларда бизнинг халқаро молия ташкилотлари билан муносабатларимиз сифат жиҳатдан ўзгариб бораяпти. Икки томонлама муносабатларни келгусида янада ривожлантириш мақсадида ўзаро келишилган ҳамкорлик стратегияси ишлаб чиқилиб, бу борада мустаҳкам пойдевор қўйилди.

Ташқи иқтисодий алоқаларни ривожлантиришнинг муҳим ва самарали йўлларидан бири хорижий давлатлар билан қўшма корхоналар ташкил этишдир. Ишлаб чиқаришнинг бу тури аксарият мамлакатларида яхши йўлга қўйилган. Мазкур соҳа Ўзбекистонда ҳам оммалашиб бормоқда. Алоҳида қайд этиш мумкинки, юқори иқтисодий ўсиш суръати айнан ана шу қўшма корхоналарда эришиляпти. 2001 йили Ўзбекистонда хорижий сармоя жалб этилган қарийб 2 минг корхона иш юритган бўлса[2], 2004 йил 1 январь ҳолатига кўра эса Ўзбекистон Республикасида хорижий мамлакатлар билан тузилган 4 мингдан ортиқ қўшма корхоналар фаолият кўрсатмоқда.

Кейинги йилларда Европа тикланиш ва тараққиёт банки, Осиё тараққиёт банки, Халқаро молия корпорацияси ва бошқа халқаро молия ташкилотларининг 450 млн. АҚШ доллари миқдоридаги кредит ресурслари кичик бизнесни ривожлантириш мақсадларига йўналтирилди. Шу кунга қадар бу кредитлардан 345 млн. 800 минг АҚШ доллари ўзлаштирилди.

Бугунги кунда ташқи иқтисодий фаолиятни бошқариш эркинлаштирилмоқда ва халқаро андозаларга мос ҳолга келтирилмоқда. Бу мақсадда четдан келтирилаётган маҳсулотлар учун олинадиган божхона тўловлари унификация қилиниб, импортга оид шартномаларни рўйхатдан ўтказиш тартиби соддалаштирилди. Республика ҳудудига олиб кирилаётган товарларни мажбурий равишда сертификациялаш тизими, шунингдек, Жаҳон божхона ташкилоти талабларига жавоб берадиган меъёр ва стандартлар жорий этилди.

Бугунги кунда дунё бўйича 160 миллиард АҚШ доллари миқдоридаги чет эл сармояси айланади. Республикамиз-

[1] Каримов И.А. Ватан саждагоҳ каби муқаддасдир. Т.3.-Т.: «Ўзбекистон»,1996, 200-бет.

[1] «Ўзбекистон овози», 2004 йил 10 февраль.

[2] Каримов И.А.Хавфсизлик ва тинчлик учун курашмоқ керак.Т.10.-Т.:«Ўзбекистон», 2002, 2001-бет.

га қўйилган хориж сармоясидан унумли фойдаланиш мақсадга мувофиқ. Шу боис ривожланган мамлакатлар тажрибасидан келиб чиққан ҳолда, мамлакатимиз иқтисодиётини ривожлантириш, экспорт салоҳиятини кучайтириш, рақобатбардош маҳсулотлар ишлаб чиқариш, аҳолини иш билан таъминлаш, халқ фаровонлигини ошириш мақсадида хорижий инвестициялардан унумли фойдаланиш учун қуйидагиларга эътиборни қаратиш мақсадга мувофиқдир:

- биринчидан, республика иқтисодиётига бевосита капитал маблағни кенг жалб этишни таъминлайдиган ҳуқуқий кафолатларни тобора такомиллаштириш, очиқ эшиклар сиёсатини янада изчиллик билан давом эттириш даркор;

- иккинчидан, салоҳиятли хорижий шерикларимиз билан янада фаол ва изчил иш олиб бориш, улар билан ҳамкорликда замонавий импорт ўрнини босадиган, дунё бозорида рақобатга бардош бера оладиган маҳсулотлар ишлаб чиқаришга мўлжалланган янги-янги корхоналар тузиш лозим;

- учинчидан, тадбиркорлик ва ишбилармонликни ривожлантириш учун ажратилган хориж сармоясидан тўлиқ фойдаланишни окилона йўлга қўйиш, лизингнинг янада кенг жалб қилувчи механизмини жорий этиш керак;

- тўртинчидан, давлат мулкини хорижий инвесторларга сотиш бўйича тендар савдоларини ривожлантириш даркор;

- бешинчидан, хориж сармоясида ҳамда қўшма корхоналарда фаолият кўрсатаётганларнинг ҳуқуқ ва мажбуриятларини аниқ тушунтириб берадиган меъёрий материалларни кенг кўламда нашр қилиш;

- олтинчидан, чет эл қўшма корхоналарида ҳамда хориж сармоясида фаолият кўрсатаётган фирма, компания ходимлари ўз соҳаларини юқори даражада эгаллаши учун малака ошириш ва қайта тайёрлаш тизими тармоқларини сон ва сифат жиҳатидан ошириш;

- еттинчидан, хориж сармоясидан фойдаланиш, қўшма корхоналарда маҳсулот ишлаб чиқаришда илғор тажрибаларни оммавий ахборот воситаларида кенг ёритиб бериш.

Ушбу тадбирлар Ўзбекистоннинг ривожланган мамлакатлар қаторига тезроқ қўшилишининг омилларидан бўлиши мумкин.